

С. ТОПОРКОВ,
В. КАПЛИН

Розовые березки

СЕВЕРО-ЗАПАДНОЕ
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1968

«Розовые березки» — это своеобразный гимн русскому лесу, его красоте и богатствам.

Весенние глухариные тока, летняя рыбалка, поведение зверей и птиц, живые, поэтичные картины в лесу, охотничьи и следопытские удачи и разочарования — обо всем этом повествуют авторы С. Топорков и В. Каплин в своих маленьких новеллах. Написаны они живо, увлекательно и представляют познавательный интерес для читателя любого возраста.

Лесные качели

У ЗАВОДИ

МЯГКИЙ вечер опустился на землю. Воздух отдышал. Отдыхала и река, застывшая между берегами. Ни одна морщинка не трогала ее гладкого лица, только редкие всплески играющих рыб нарушали покой.

Пришел отдохнуть у реки и я. Тихая заводь с глубокой и темной водой, выстланная по краям листьями кубышек и обрамленная стенками хвощей, привлекла меня. Принесенная половодьем еловая чурка с длинными, словно щупальца осьминога, корнями — отличный стул. Плавно ложится на воду поплавок...

Комаров еще мало, и можно спокойно наблюдать за окружающей жизнью. Не успел я налюбоваться ловкими вывертами ласточек-береговушек, как услышал за слиной шорох осыпающихся песчинок. Оглянулся. За мной — крутой обрыв, а в нем — гнезда ласточек. Из одной норки свесилось вниз бархатистое тельце... крота.

Неужели и он вышел свежим воздухом подышать?

Крот вдруг свалился вниз, прокатился кубарем по крутой песчаной косе и пополз к воде.

Что он будет делать? А вдруг купаться вздумает?

Но крот припал к воде, лизнул ее несколько раз и заковылял обратно. Так и хотелось погладить его мягкую шкурку.

«Дай, думаю, подержу зверька в руках. Хоть немножко». Но только я шевельнулся, крот мигом исчез в песке. Вот тебе и неуклюжее животное!

Много у крота врагов: ласка, горноста́й, лисица, вороны, совы... А вот этот пренебрег опасностями для того, чтобы отведать воды из реки, которая дала силу и жизнь дремучим таежным лесам.

Не любит дневного яркого света, очень редко вылезает на поверхность. А тут — вылез!

ЧУДАК

ОДИН мой приятель, с которым нас связывала давняя любовь к северной природе, раздольным полям и таинственным лесным речушкам, принес мне однажды в подарок молодого колючего ежа.

— Будем держать, — согласилась мать, — он всех мышей выведет.

Ежик сразу юркнул под печку, и наша старая сибирская кошка поняла, что в нижнем этаже ее жилища прочно поселился новый хозяин. А хозяин этот, которого за смешные выходки называли мы Чудаком, освоился быстро: смело брал из рук кузнечиков, червей, пил молоко и не норовил поддеть нас на иголки.

Очень не любил Чудак электрический свет. Собираясь, бывало, вечером за столом, посадим ежа перед собой, а он взглянет на лампочку и сунется к кому-нибудь за пазуху. Или со всего маху бросится вниз и — прямым ходом под печку.

Смешно Чудак ел яйца. Подойдет, раскроет рот: ам! А яйцо от него! Ворчит ежик, сердится, а потом изловчится, припрет его где-нибудь в углу и прокусит, да так, что дырочек незаметно. Снаружи яйцо как яйцо, а возьмешь в руки — пустое.

Однажды мать сказала мне утром:

— Чудак-то у нас грамотный вроде. Всю ночь газетой шелестел.

— Где?

— Под кроватью, кажется...

Заглянул я под кровать, а там круглое бумажное гнездо. Оказывается, вечером, прочитав газету, я уронил ее на пол, а Чудак ночью пустил ее в дело.

Но недолго все шло гладко. Матери начали надоедать выходки Чудака, а чашу ее терпения переполнило вот что.

В конце июля ночи стояли душные, и, чтобы прохладное было, мать стелила себе на полу. Хотела она повернуться, а в бок ей добрая сотня иголок воткнулась. Конечно же, это Чудак ей «шутку» устроил: лежи, мол, не ворочайся!

А в следующую ночь он ее палец с червяком спутал и прикусил зубами. Не выдержала мать, встала и потребовала:

— Куда хочешь, убирай этого дьявола!

Пришлось Чудака сбыть, благо, что желающих иметь ежика нашлось много.

ЗНАКОМАЯ

В ИЮНЕ и июле стояли на редкость знойные дни. Думалось, что им не будет конца. В августе заладили дожди. Тихие, но обильные. Водянистые облака проплывали над лесом. Зеленела озимь, похорошели умытые дождем травы, пошли грибы.

Семен Семенович был к ним привередлив. Какой прок в маслятах да подберезовиках? Не успели зародиться, уж черви их источили. Принесешь домой —

половину выбрасывай. То ли дело груздь! Груздь — гриб не квелый, ядреный.

— Дедушка, возьми и нас с собой за груздочками, — упрашивали Семена Семеновича внучата Коля и Миша.

Куда там! Сначала и слушать не хотел: «Согрешишь с вами!» Наконец сдался.

— Ладно, пошли!

За спиной Семена Семеновича, как всегда, одностволка. Заряжена она дробью. Семенович после одного курьеза, кроме рябчиков и тетеревов, никого не стрелял и даже патронов с пулями в лес не брал, хотя раньше на всю округу медвежатником слыл. А произошло вот что. Два года назад на просеке встретился он с медведицей. То ли сдало у старика зрение, то ли ружье подвело, только бахнул охотник жаканом, да неудачно: пуля полоснула зверя по щеке, выбила у медведицы несколько зубов. Взревела косолапая и наутек. А кровь так и хлещет.

Схватился Семенович за голову: «Что я наделал, дурень старый, искалечил зверя». Не любил старик вспоминать об этом случае.

В березняке пахло лесной прелью. Где-то совсем рядом однотонно журчала речка Шепшеньга. Семенович сделал несколько шагов, наклонился к молодым елочкам, подозвал Колю и Мишу.

— Груздь! — радостно крикнул Миша.

— Срезай его, — сказал дедушка.

Миша срезал ножку гриба у самой земли, осторожно положил его в корзину и хотел идти.

— А ну-ка, поищем еще, — сказал Семенович и стал осторожно ворошить руками прошлогоднюю листву. И там оказались грузди,

— Один, два, три... шесть, — звонко и весело кричал Коля, — целый «мост»!

Грибов была уйма. Семенович брал только самые маленькие, с пятачок, грузочки. Изредка он доставал металлический свисток-трубочку, манил рябчиков, но они почему-то не отзывались.

Время перевалило за полдень. Корзинки у Коли и Миши почти доверху полны груздями. Увлёкся грибами и Семен Семенович. Выскикивает их в траве, в пестерь кладет. Вдруг слышит: рядом, за густыми елками, сучок треснул. Поднял глаза дед и обомлел: у муравейника медведица с медвежатами.

«Она, так и есть — она, — мелькнула догадка. — Вон и шрам на морде».

Поднялась на задние лапы медведица, замерла, пасть раззявила. Казалось, весь ее вид так и говорил: за что ты, мил человек, зубы мне выбил да кожу на голове содрал? Вот как вдарю тебе...

Семеновичу стало не по себе, гулко билось сердце.

— Что мы с тобой делать-то будем?

— Дедушка, а, дедушка! С кем ты там разговариваешь? — звонко крикнул Коля.

Семенович вздрогнул, поднял ружье, приставил к плечу, на косолапую навел, но оно дрожит в трясущихся руках. А медвежата встают на дыбки, грибника разглядывают.

Повернулась мамаша-медведица, фыркнула да как поддаст затрещину ближайшему мишке! Тот взревел и — бежать. За ним и другой потянулся. Понял, видимо, что и его ждет оплеуха. А мамаше того и надо.

Отпустил Семенович тулку и — к внучатам. И зашагали грибники и звери в разные стороны. Медведица с медвежатами на свою вырубку, дед с внучатами — в деревню.

ВОРИШКИ

НА ОСЕННЕЙ зорьке Антипыч, надев пестерь и взяв корзину, отправился за грибами. Деревня еще спала. Только тут и там кричали петухи.

Антипыч пересек поле, углубился в лес и вскоре вышел к неширокой говорливой речушке Студенец. Закурил козью ножку, поправил жердочки, что мостиком перекинуты с берега на берег, и зашагал дальше.

Вот и знакомая вырубка. Совсем недавно здесь шумел сосновый бор, а сейчас одиноко стояли высоченные с густыми кронами сосны-семенники, толпились молоденькие деревца. А под ними на мягких кочках заросли брусничника.

В темно-зеленых листьях атели крупные ягоды. Антипыч наклонился и стал неторопливо собирать их.
— Хороши!

К полудню Антипыч набрал много брусники.

— Теперь и отдохнуть можно, — решил он. Принес воды с речки, разжег костер, наладил «поварок», повесил над огнем котелок. Ох, и вкусен чай в лесу!

Напившись чаю, Антипыч пересыпал ягоды в пестерь, закрыл бруснику травой и, завязав пестерь веревочкой, повесил его на сучок.

Чем дальше углублялся Антипыч в вырубку, тем больше становилось ягод. Он так увлекся, что не заметил, как за вечерело. Стало свежо и прохладно. Резче запахло смолой. Пора и домой.

Не сразу нашел Антипыч место своего дневного отдыха. Долго кружил по вырубке. Наконец стал приближаться к цели. Здесь жердочку вырубал, а тут и костер рядом. Шарит Антипыч глазами по елке, а пестеря как не бывало. Что такое? Кому он понадобился? Кто подшутил над ним?

Не ускользнуло от зоркого глаза Антипыча, что брусничник примят, а в сторону речки от ели, где висел пестерь с ягодами, целая тропа пробита. Прошел Антипыч по ней метров шестьдесят и обмер. Стоит медвежонок, лапами мордочку утирает, вроде бы умывается, а другой, его братишка, весь с головой в пестерь залез, только лапы торчат.

— Ах вы, воришки, — тихо сказал Антипыч. — Ишь разбаловались.

Но ругаться не стал. Вдруг мамаша услышит? Чего доброго, обидится еще.

СТРОГАЯ МАТЬ

Скрытно и бесшумно выкатила из чащобы медведица в поле полакомиться поспевающим овсом. Крутя головой, принялась. Постояла на задних лапах и издала шипящий звук. И тотчас из ольшаника выскочили два бурых, каждый величиной с собаку, медвежонок.

Порядком набедокурили звери на поле. Прилегающий к лесу загон овса был полностью вытоптан.

Медведица потыкала мордой детишек, как-то поособому поурчала и закосолапила в глубь поля. Медвежата же, с опаской поглядывая на мать, никак не решились перешагнуть борозду, которая отделяла первый загон от второго. Усевшись на землю, медведица когтистыми лапами сгребала метелки овса и, звучно чавкая, лакомилась зернами. Казалось, она забыла о медвежатах. Но стоило одному из них перейти запретную черту, как лесная боярыня кинулась к нему и дала такого шлепка, что тот кубарем покатился по полю.

Медвежата бродили в отведенном им месте. Долго никто из них не решался послушаться строгой

мамаши. Но вот другой непоседа утянулся вперед. И тоже получил затрещину. Когда это повторилось еще раз, медведица рассерженно фыркнула и повела непослушных детей в чащобу.

ГОРНОСТАЕВО МЕТРО

В ОЛКА ноги кормят, — гласит народная поговорка. Она применима и к другим лесным обитателям. Вот бесконечной лентой вдоль лесного завала попарно протянулись следки. Это пробежал белый, как снег, с черным кончиком хвоста горноста́й. У небольшой елочки зверек нырнул в снег, сцапал зазевавшуюся мышшь-полевку и опять отправился строчить по заснеженному полю. Недаром говорят: горноста́й за одну ночь набегаёт больше, чем кобыла с жеребенком. Маленький, но свирепый хищник частенько наведывается в жилища мышшь-полевков, чувствуя там себя полновластным хозяином.

О том, что горноста́й много времени зимой проводит под снегом, я знал давно, а вот осенью...

Вместе с приятелем теплым сентябрьским днем мы бродили в поисках тетеревиных выводков. Порядком устали и решили отдохнуть. Расположились на бревнах, лежащих на поляне у лесной дороги. По-летнему грело солнце. Лепетали листья осин. Мы сидели молча, прислушиваясь к лесным шорохам.

Неожиданно в стороне появились четыре буро-коричневых зверька — семейка горностаев. Шустрые и подвижные, с гибким телом, хищники егозили у земляного холмика. Минуты через две они исчезли.

Товарищ мой показал рукой на противоположную сторону дороги. Горноста́й уже резвились там, метрах в тридцати от того места, где появились сначала. Как

зверушки незамеченными перебрались через дорогу?

Оказывается, у холмика начинался подземный ход, проделанный кротами. Им-то и воспользовались горностаи. Заметив нас, они тотчас нырнули в нору и подземным туннелем устремились подалее от беды.

Настоящее горностаево метро!

ЗАЯЧЬЯ БЕДА

ПРИВОЛЬНОЕ житье летом косому. Иди, куда хочешь, жуй, что нравится. Захотелось клевером полакомиться — рядом колхозное поле. А по заброшенным пашням и суходолам нет-нет да и разыщет он и «деликатес» — высокую, сочную, с толстыми листьями заячью капусту.

Все бы хорошо: ни забот, ни хлопот, да вот «стукнул» в конце августа иней. И зайчишка задумался.

— Пора шубу зимнюю заказывать!

Гадал он, гадал, где бы портного такого найти, чтобы и аккуратно шил, и тепло, и красиво, и недорого. И нашел. Взялась зайцу шубу шить сама матушка-природа. Долго она шила. Потихоньку да помаленьку. Уж и снег первый выпал, а заяц все в летней одежке бегаёт. Износил он ее донельзя. Наконец к середине октября вырядился косою в обновку. Шуба теплая, мягкая, а главное — белая. Снег белый, и заяц белый — пойдя разгляди его в поле! Вовек не разглядишь, если следов читать не умеешь. Ходит заяц по лесу, нахваливает портного, а через недельку смотришь — все зайцы, как один, в белых кафтанах щеголяют, радуются, а летние платишки порастеряли.

Но тут-то они и просчитались. Хмурый запад принес с Атлантики тепло, растопил снег, обнажив осеннюю землю. Кругом черно, а зайцы белые. Куда ни

выйди — везде, как на ладони, а врагов у косоглазых много: и сова, и ястреб, и лисица... И рад бы летнее платьишко снова надеть, да где его теперь найдешь! Придется, видно, затаиться да ждать белой волшебницы. Затаился косой, сидит, дрожит...

Вот что значит с шубой поторопиться.

ЛЕСНЫЕ КАЧЕЛИ

В АТАГОЙ катило по просеке медвежье семейство. Там, где просека пересекала лесную дорогу, медведица оставила детей под присмотром пестуна, а сама направилась в поля проверить, нет ли там овса. Только скрылась за поворотом — пошла потеха! Медвежата, взъерошив шерсть и непрерывно урча, вприпрыжку пустились друг за другом наперегонки, кубарем катались по черничнику, устраивая кучу-малу. Не мог угомонить шалунов пестун и за компанию сам включился в игру. По поваленному ветром дереву забрался высоко вверх, а потом, ухватившись когтистыми лапами за ель, словно на парашюте, спустился на землю. Примеру пестуна последовали и малыши. На дерево, которое не поддавалось, медвежата залезали вдвоем. Пригнув его, весело качались на лесной качели.

Много деревьев, что шлагбаумами преграждали нам путь по просеке, пригнули к земле косолапые проказники.

МЫШИНАЯ ГРОЗА

Н А РЕДКОЙ лесной опушке, у самого поля, засеянного рожью, жила припеваючи серая полевка. Несколько раз в лето выводила она свое многочисленное потомство, которое, подрастая, селилось неподале-

ку, благо корм под боком: богатое лесное разнотравье. А осенью все они запасали на долгую зиму много зерен.

Все бы хорошо было, если б не пришел однажды на опушку тонкий, гибкий бурсоспинный зверек с короткими лапками и округлыми, почти незаметными на голове ушами. Поводив хищной мордочкой, он направился прямо к мышинной норке.

Здесь и вывела ласка пять тонкотелых смешных детенышей. Они скоро стали шнырять близ гнезда, забираясь в норки полевков, верша над ними суд и расправу. К осени ближние норки были пусты. Семейству грозил голод, и оно распалось, расселившись по окрестностям. Места выбирали по своему вкусу, но обязательно там, где поблизости грызуны жили: один поселился под стогом соломы, другой — между поленницами дров на окраине ближней деревни, третий — в амбаре, четвертый — в гумне, пятый же забрался в подполье маленького домика.

Поздней осенью побелели ласки и невидимками носятся по снежной пелене. Чернеют только глазенки да носики. Узкие, гибкие тела их пролезают в любую дырку. Туго приходится мышам от настырных зверьков. Зато сколько хлеба сберегут они людям, пока шумит в полях и перелесках зимняя метель!

«А К А Д Е М И К»

НЕ ЧАСТО приходится мне встречаться с охотником-промысловиком Николаем, но уж коль увидимся, байкам не бывает конца. Горазд Николай об охотничьих приключениях толковать. То о бурых медведях-увальнях, то о северных пантерах-рысях да серых «помещиках»-волках.

Что-то поведает Николай на этот раз? Опять про лесного боярина или сохатых? Но я ошибся.

— Слышал о зайцах-«профессорах»? — спросил Николай. — Тех, что на болотах да на дорогах гончих обводят? А у нас не то что «профессор» — «академик» объявился. Ни одной собаке его не взять, хоть того больше медалей имеет.

Не пожалуюсь я на свою Тайгу, всем удалась. Гоняет — заслушаешься. А как нарвется на этого «академика» — не берет, и баста.

Николай лукаво улыбнулся и продолжал:

— На речках есть катища — нижние склады, где лес для сплава готовят. У нас стояжами их называют.

Как поднимет моя Тайга в поле этого «академика», он по логу на стояжи и режет, лаз у него там проходит, а около склада соляркóй да маслами разными весь снег залит. Протопаёт заяц мимо цистерн да бочек, лапы мазутом вымажет — от него, черта, как от заправщика, бензином прет. После этого не только моя Тайга, волки да лисицы от его следа в стороны шарахаются.

Хитер, бестия!

У СУХОЙ ОСИНЫ

К ВЕЧЕРУ неожиданно загуляла в полях метель-пурга, закрутила снег, перевила дороги сыпучими жгутами. Даже в лес проник шальной ветер, и струйки снега дымками поползли с пеньков.

Белочка, серым комком копошившаяся в вершине ели, перестала грызть семечки, к чему-то прислушалась и, мышью скользнув по корявому стволу, скрылась куда-то. Скоро она птицей взлетела на старую

сухую осину и скрылась в дупле. Тепло там. Злая непогода беличьёю квартиру не продувает.

Задремал зверек под песни растревоженного леса, но вдруг чутко прислушался. Какой-то посторонний звук, легкий, но зловещий, отчетливо донесся до зверька. Дрогнули кисточки на ушах. Стальной пружиной метнулась белка к выходу из дупла, но... в это время хищная мордочка закрыла его.

Улеглась к утру метель. На невидимых крыльях улетел куда-то вьюжный ветер, а небо, опустившись на лес, придавило снежные дымки, и они покорно улеглись у ног вечнозеленого хвойника.

...Медленно скользили лыжи, нащупывая занесенную снегом дорогу. Устал Юрка, совершая очередной обход линии. Наконец, выбившись из сил, присел под мертвой осиною, развел костер. Дым сизой лентой потянулся к вершине сухостоины. Проследил Юрка за ним взглядом и увидел дупло. Из него неожиданно показалась недовольная мордочка... Выметнулась из теплой квартиры куница, шлепнулась в снег почти у ног опешившего Юрки и легко, словно на лыжах, заскользила в густую хмарь ельника.

Когти у Юрки с собой были, а любопытство превозмогло усталость. Пушистый хвостик да капли крови на мягкой подстилке рассказали ему о ночной драме, разыгравшейся в беличьей квартире.

БЕЛОЧКА-СНЕГУРОЧКА

ЗИМОЙ белочки в пепельно-голубых шубках. А может ли быть, чтобы белочка носила белую шубку? Такую, какая у маленьких кровожадных хищников — горностаия и ласки? Оказывается, бывает такое. Иван Федосеевич Шашерин — любитель-охотник,

отправился как-то на работу в лесную делянку. Идет по лесу, присматривается, прислушивается, следы на снегу разглядывает и вдруг видит: сидит на елке белый зверек. Шелушит «орешки» — простые еловые шишки. словно невидимка дед-мороз под Новый год захотел сделать из белки лесную снегурочку и заодно с березками и орешками посеребрил ее.

Необычная белочка, которую увидел охотник, была альбиносом.

НЕВИДИМКА

У КРАЯ старой вырубki уснула под снежным одеялом лесная речка Выдринка. На берегу ее — коряжистый еловый пенек. замело его снегом, накрутило на макушку сверкающую под солнцем чалму, но между узловатых ног осталась округлая отдушина.

Когда за верхушки заиндеветших берез зацепился двурогий месяц, показалась из нее хищная мордочка белого зверька. Как стальная пружинка, выметнулся он на голубоватый ночной снег и исчез. Только две черные соринки на снегу остались, будто корка от пенька отлетела. Это вышел на охоту горноста́й.

Не повезло ему: проверил у лесного огорода мышиную норку — пусто. Заглянул под нависший над берегом Выдринки обрыв, где вчера разыскал замерзшую лягушку, — пусто...

...Под утро, когда побледневшая от мороза луна стала исчезать, побежал горноста́й к большому полю, у противоположного конца которого зоркие глаза хищника заметили стайку серых куропаток, пробиравшихся к заснеженному гумну. Миг — и горноста́й исчез. Ушел под снег...

Через несколько минут, подняв снежный вихрь, куропатки рванулись в холодное небо, беспорядочно

покрутились и, собравшись в стайку, унеслись на своих коротких крыльях в сторону ивняков. Но одна птица осталась на снегу...

Маленький тонкий горноста́й прекрасно ориентируется под снегом и, если к добыче нельзя подобраться поверху, идет под ним. Правда, птицу он редко тревожит, но мышам от хитреца достается. Иногда, охотясь за ними, он сутками из-под снега не показывается.

ЗАГАДКА В СТОГУ

ОТПРАВЛЯЯСЬ на лесные обходы, каждый раз я пробегал около стога овсяной соломы, бронзовевшего в поле за молотилкой. Ничего не рассказывал он мне, молча притаившись под снежной шапкой. Только стайки неугомонных овсянок золотыми искорками роплились вокруг, да изредка навещали его сварливые красавицы-сойки. Несколько раз видел я у стога загадочные строчки маленького зверька, как бы волочившего по снегу тельце.

«Чей же это след? — ломал я голову. — У полевки он крупнее, и в снег она проваливается больше. Да и зачем ей из теплого и сытного угла бегать по снегу на свою погибель?»

...Как-то в морозное, голубеющее тенями утро шел я по своей лыжне, торопясь прочесть письма лесных жителей, взглянул на стог, а там только остожья топорщатся да трое мужчин о чем-то спорят. Подхожу ближе. На остатках соломы валяются шкурки трех полевок и двух лесных мышей. О них-то и говорят колхозники.

— Кто их в стог-то положил?

— Для чего?

Посмотрел я на шкурки эти, и сразу же в мыслях связались они со старыми следами.

— Это ж работа землеройки!

Есть зверек такой. Маленький, бархатистый, прожорливый. Летом он много уничтожает насекомых, а осенью в погоне за грызунами перемещается туда же, куда и мыши переключиваются. Вот и тут, в стогу, нашел он мышинное царство, съел обитателей, шкурки оставил, а сам в другое место подался.

СТРАННЫЙ СЛЕД

ПОГОРЕЛИЦА — речка с чистой и студеной водой. В ее небольших заводях, около быстрин, держится сторожкий и стремительный хариус — желанная добыча рыболовов. Пейзажи по речке — глаз не оторвешь. Но с некоторых пор стал у людей интерес к Погорелице пропадать: хариус начал исчезать. За целое воскресенье поймаете три рыбки — разве это добыча! И все потому, что захлामीли речку. Нету за ней присмотра, вот и ушел хариус...

...Размышляя, сел я на ольховый пенек, закурил и слышу, будто вода чуть-чуть всплеснула. Осторожно поворачиваю голову и вижу: на жердочку, застрявшую между берегами, вылезает бурый зверек. Вылез он, хитро взглянул на меня и бесшумно скользнул в темные струи.

Так вот оно что! Не жди в Погорелице хариуса, если тут выдра поселилась. Это зверь ловкий, ни одна рыба не увернется от его острых зубов. А вот на суше выдре труднее передвигаться. Лапки у нее короткие, с перепонками, как у утки. Далеко ли на таких уйдешь?

С грустью забросил я ловлю на лесной речушке,

либылись со временем заветные перекааты, но старая любовь к погорелицким логом и косогорам снова и снова приводила меня сюда.

Иду однажды по свежему снежку, люблюсь причудливой вязью засахаренных ивняков... Легко и мягко скользят лыжи, оставляя позади незаметные лесные километры. Пороша, как хороший справочник, без утайки рассказывает о жизни природы. Вот, например, машинной строчкой схватила два кустика лесная мышь. Здесь на зорьке, спасаясь от лисицы, в страхе промчался белый, как снег, косой. А тут... Что же было тут?

От небольшой, черной на фоне снега полыньи уходит в гору глубокий, осыпавшийся по краям след: словно кого-то лежачего волокли. Странно!

Цепляясь за мелкий ельник, карабкаюсь на косогор. На поле стынет в снегу, синее в тенях все тот же след. Пытаюсь схватить взглядом мельчайшие приметинки на нем и, наконец, догадываюсь: это же выдра в другую речку шла. Хариуса-то в Погорелице она повывела. Дождалась, хитрюга, снегу и пустилась в путешествие. По земле-то ей не уйти, а в снегу сна, как в воде, плывет.

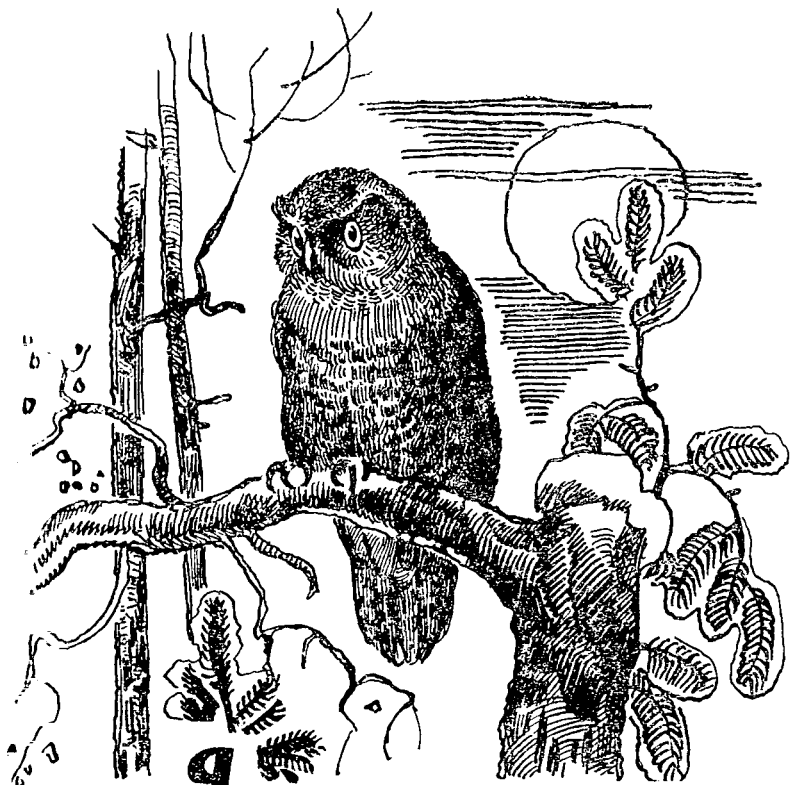
БЕЛИЧЬИ КЛАДОВКИ

СОЛНЦЕ еще только позолотило макушки высоких деревьев, а я уже подумываю об отдыхе. Выбрав укромное местечко под нависшими ветками вечнозеленой старухи-ели, снимаю лыжи и сажусь на ее толстую коричневатую-фиолетовую руку. Сажу тихо, посматриваю из засады вокруг. И вдруг прямо передо мной шлепается в снег серебристый пушистый комок.

— Белка! Что же ей надо на вырубке?

Поведение зверька заинтересовало меня. Вот он спокойно движется по вырубке, изредка склоняя мордочку к снегу. Вот направляется к высокому древнему пеньку, надвинувшему снежную шапку на самые глаза. Здесь белка останавливается и вдруг скрывается в облачке снежной пыли. Через минуту зверек весь уходит под снег.

Этого я уж не могу вытерпеть. Быстро, не закрепляя, надеваю лыжи и бегу к месту происшествия. Напуганная белка опрометью кидается из ямки и длинными прыжками стелется в сторону ближней елки. На пути к дереву зверек роняет на снег какой-то черный предмет. Подхожу — сухой гриб! Тут-то я и вспомнил, что с осени белки запасают грибы, накалывая их на сухие сучки, забивая под отставшую кору старых пней. Запах грибов белки чувствуют даже через тридцатисантиметровую толщу снега. Конечно, белки не помнят всех своих кладовок, но прячут свои запасы в сходных местах. Если не найдет их хозяин, найдет другая белочка. Удобно, не правда ли? Особенно, когда голодное время настает.

АСТРЕБИНКА

ПОПУГАЙЧИКИ

ФЕВРАЛЬ. В лесу еще царит зима, суровая, морозная. Вихрясь и путаясь в игольчатых елях, крутит вьюга. Злится месяц-лютень, но глухозимье уже позади. Недаром у клеста-еловика появилось потомство — крошечные серо-бурые птенцы.

Клестиха — оранжевая птичка величиной с воробья — никуда не отлучается от желторотых. Клест день-деньской хлопочет, добывая семена из еловых шишек. В щегольском наряде малинового цвета, с крючковатым клювом, он всем своим видом напоминает попугая, а потому и зовут его в народе попугайчиком севера.

«Цок-цок», — кричит клест, чинно усевшись на вершину унизанной шишками елки. Приладится к шишке и, словно пинцетом, ловко извлекает малюсенькие семена с крылышками. Наберет в клюв и спешит к малюткам-попугайчикам.

Дружная семейка. Насытятся птенцы и засыпают в уютном гнездышке, слушая песни пурги, которые сулят весну.

В МОРОЗНЫЙ ДЕНЬ

ВЕТКИ ольховиков и березняков опушены изморозью. Идешь по лесу — и вдруг где-то впереди под лучом солнца загорится она ярким и холодным

фонариком. Елки кажутся тяжелыми, словно отлитыми из металла.

Лесную тишину цепко держит в руках мороз. Притаились лесные вредители. Много их зимует под корой деревьев, в старых пнях, в трещинах коры. Тут и личинки, и куколки, и взрослые насекомые. Шелкопряды, пилильщики, дровосеки, короеды... Ждут пробуждения зеленого леса, чтобы снова подтачивать его.

— Кик-кик! — вдруг слышится впереди.

Большой пестрый дятел в щегольской летней красной кепчонке перелетает от дерева к дереву, от пенька к пеньку. Вот он усиленно заработал у трухлявого пня. Летят в стороны желтые обломки, бронзой покрывая снег. А вокруг дятла целая компания. Тут и синица-кузнечик, и пухляк, и гренадерка, и поползень...

Каждый своей работой занят. Одни проверяют трещинки коры, другие — ветки деревьев, третьи деловито осматривают стволы, четвертые подбирают на снегу то, что просмотрел и обронил торопыга-дятел.

* * *

ТИХО вокруг... Мороз... Вдруг — песня! На верхушке старой ели с бусами-шишками сидит себе красновато-бурая птичка. Клюв — ножницы. Смешная птица! Сидит и веселится. С чего бы это? Не иначе, гнездо близко...

Нашли мы его на ветках разлапистой елки, почти у самого ствола. Стенки гнезда толстые, из сухих веточек и травинок, а внутри мох да шерсть козья. И все это с пухом перемешано. А чтобы гнездо замаскировать получше, в стенки его клест еще и лишайник-

бородач вплел. Сверху гнездо прикрыто еловыми заснеженными лапками. Вот тут и найди его!

Зеленоватая самочка нас подпустила совсем близко, но потом с писком выпорхнула из гнезда. Заглянули мы в него, а там лежат три голубовато-зеленых с темными крапинками яичка. Только мы смотреть долго не стали — замерзнут еще!

Недаром чудак-клест песни пел! Для кого зима, а ему — лето.

СУД ПЕРНАТЫХ

КРОТКИЙ февральский день клонится к закату, а повидать в лесу надо еще многое: пятнит ли снег своими семечками-веснушками ольха серая, дождит ли блестками старуха-ель, как чувствуют себя косяглазые прыгуны и серебристые белки... Поэтому я спешу, разматывая по лесным полянам голубую ленту лыжни. Теряются в ельниках и березняках, в оврагах и косогорах незаметные лесные километры. Неожиданно громкий крик останавливает меня. Это — сойка, лесная красавица с голосом кошки, которой наступили на хвост.

«Что еще там случилось?» — думаю я, сворачивая к старой вырубке. Здесь — целый город, выстроенный зимой: причудливые замки и башни, пеньки в белых шапках. На одной из башен, вращая круглой башкой, сидит длиннохвостая неясность, таращит большие с золотыми ободками глаза и угрожающе щелкает клювом.

А кругом — ералаш! По тревоге сойки поднялось все птичье население. По ближним кустам перепархивают писклявые синички, в белостволых березках мелькают красные шапочки дятлов, по сухой елке

бежит вниз головой голубоватый поползень, на молоденьких сосенках устроились лесные сплетницы-сороки, на елках примостились кривоклювые клесты, прилетели из-за перелеска три вороны... И все это сборище шумит, галдит, горланит на все лады. Но недолго продолжается обсуждение совиных проступков. Вот одна из синиц ущипнула сову в спину, за ней другая, а потом и все птицы навалились со всех сторон — только пух полетел. Напрасно щелкала неясить клювом, крутила головой — птицы увертывались. Наконец доведенная до крайности, сова поднялась в воздух и бесшумно, как громадный пуховый платок, поплыла к старому ельнику. Свист и улюлюканье птичьей стаи усилились, все бросились следом, но в темную чащу ельника проникнуть никто не решился...

Не любят птицы сов. Оно и понятно. Иногда в темные зимние ночи попадается птичья мелкота в лапы крылатых кошек. Вот и мстят им за это, если днем встретят. А почему человек к совам так недружелюбно относится? Сколько связано с ними легенд, поговорок! «Сова не принесет добра», «Из пустого дупла либо сыч, либо сова, либо сам сатана»... Неправильные поговорки! Пора им отслужить свой век. Ведь одна сова за лето уничтожает до тысячи мышей, сохраняя нам тонну хлеба. Это ночные сторожа наших полей. И много их у нас: и болотная сова, и уральская неясить, и ушастая, и ястребиная...

РЯБЧИКОВЫ КОНСЕРВЫ

ШЕДР на дары лес. Всевозможных ягод тьма-тьмущая. Кое-где до января вылетали кормиться на рябину пестрые, скромно одетые лесные курочки-ря-

бушки и петушки с черным горлышком и дерзко вздернутым хохолком. Бегаая по веточкам, птицы клевали оранжевые, подслащенные морозом ягоды. И то ли по неаккуратности, то ли оттого, что рябины было много, рябчики роняли ягоды на снег.

Подует ветер, стряхнет с деревьев белые балахоны, закрутит пурга и укроет ягоды снегом. А утром рябчики снова накрошат рябины, и опять завалит ее снегом.

Весна открыла рябчинные кладовые. Только не все сразу. Стает слой снега, и пламенеют на нем ягоды. Склюют их рябчики, а на следующий день новая порция готова.

Весь апрель лакомились птицы рябиной, законсервированной в снегу.

КОСТЯНЫЕ МОЛОТОЧКИ

ПОСЛЕДНИЙ день апреля застал меня на лесном кордоне. Высокий и ладный Павел Евгеньевич, мой давний друг, сидел за столом и попыхивал цыгаркой.

— За мошником? — спросил он, безошибочно определив мое желание. — Сам рад до смерти, только не спуталась бы погода. Ко мне любое ненастье крадучись не подойдет. Того гляди, белые комарики запорхают.

На улице было тепло и тихо, а поэтому я не обратил внимания на предсказания бывалого человека.

— Оно, может, и не веришь, — продолжал Павел Евгеньевич, — весна и осень — днем погод восемь. Ну, что ж, пойдём.

До глухариного тока не больше четырех километров, но мы спешим, чтобы не опоздать на подслух.

Глухари на токовище прилетают с вечера и с шумом рассаживаются на деревьях, где проводят всю ночь.

Прямая, как стрела, просека упирается в моховое болото. На закрайке его и собираются по вечерам глухари. Местами снег выше колена, хотя на открытых местах он стаял. Под ногами пружинит мох, то и дело встречаются колдобины, залитые вешней водой.

Павел Евгеньевич подает знак рукой, и я останавливаюсь. Садимся на поваленную ветром сосну. В еловом подлеске задорно перекликаются рябчики, где-то далеко затоковал тетерев. Неожиданно справа от нас раздалось хлопанье крыльев, через минуту — впереди, слева, кругом... Глухарей около десятка.

— А это курица села, — прошептал Павел Евгеньевич. — Их тут больше, чем петухов.

Признаться, до этого я единственный раз в жизни слышал глухариную песню. Сижу как на иголках. Вдруг словно кто-то костяным молоточком ударил по наковаленке: «тэк-тэк...». Еще и еще. Тишина... И опять: «тэк-тэк...» Потом шипение — заключительное колено песни: «кы-чивири... кы-чивири». Запели и другие петухи. Оставив птиц в покое, осторожно возвращаемся обратно, чтобы до потемок успеть наладить ночлег.

...Под елью ярко горит костер. Красные языки пламени лижут закоптелые бока котелка. Чай готов. Стало совсем темно. Вдали послышалось уханье филина: «ху-бу-ху-бу... ху-бу». В ночи бобочет лопухий зайчишка. За кружкой чая Павел Евгеньевич рассказывает о том, как здесь, на этой самой просеке, осенью один на один встретился с медведицей. Я слушаю его, слушаю голоса ночи, и усталость незаметно смежает мне веки.

Просыпаюсь от холода. Кругом белым-бело. Зима напоследок обрушилась на май снегопадом. Мокрые хлопья снега, словно глубокой осенью, покрыли дорогу, лесную вырубку. Деревья опять в белых одеждах.

— Пора, — говорит Павел Евгеньевич.

В темноте идти еще труднее, чем вчера. Ветки окропляют нас сыростью, ноги вязнут в залитых водой колдобинах. Я бреду, словно с завязанными глазами, удивляясь тому, как ловко шагает напарник.

— Поет, — тронул он меня рукой и бесшумно, словно рысь, исчез за деревьями.

Минуты две я стою на месте и слушаю невидимого певца. Потом под песню делаю три прыжка и останавливаюсь, как вкопанный. Захлебываясь от избытка чувств, петух поет беспрерывно. Я уже прошагал метров сто. Глухарь где-то совсем рядом. Неожиданно песня смолкает. Стою на одной ноге, по колено в снегу. Пошевелиться нельзя. А глухарь молчит. Видимо, заподозрил что-то неладное. Нога совсем затекла и онемела, так и хочется опереться на другую. Но тогда глухаря — поминай как звали.

— Тэк, тэк... — щелкнул петух. И опять молчит.

Над соснячком пролетели две глухарки, сели неподалеку, томно, призывно квокая. Глухарь запел снова. Еще десятка полтора шагов — и я вижу токующую птицу. Бородатый солист, расфуфырившись, сидит на суковине, веером торчит хвост, приспущены мощные крылья, трясется голова.

Павел Евгеньевич учил: стрелять только под песню. Тогда, если и промахнешься, глухарь не улетит. Тщательно прицеливаюсь. Выстрел раскатом грома разносится по лесу. Тяжелая птица комом падает под сосну.

Поднимаю петуха за ноги. Блестят иссиня-черные

перья на шее. За беловатым, как у грача, клювом клочок перьев — борода. Бархатные ярко-красные набухшие брови...

Гремит еще выстрел. То стреляет Павел Евгеньевич.

НА ТОКУ

РЫЖАЯ плутовка, повадившаяся на старую гарь, да отчасти и мы были причиной того, что косачи от зарослей молоденького соснячка перебрались на самую середину вырубки. Вот и стали мы с Олегом гадать, как к краснобровым подобраться? Наконец решили: одному вполне можно под кучей хвороста, что в центре тока, разместиться. Правда, лежать под ней не особенно приятно, но что поделаешь — охота пуще неволи. Бросили жребий, и «счастье» пролежать зорю на сердитой майской земле выпало мне.

Поднял Олег жердью всю кучу лесного хлама, лег я на матушку-землю и сразу почувствовал всю тяжесть добровольной пытки.

Устраиваюсь я в новом жилище, а сам слушаю. Вот зашумел спросонок грач, второй... затихли. Хотел от избытка весенних чувств куропач, чуфыкнул черныш... и началось. Скоро, слышу, справа от меня парочка женихов драку затеяла, слева — тоже. Ссорятся, лопочут что-то по-своему, а мне не видно. Одному драчуну не хватило пары, и он бегаёт передо мной то к одной паре, то к другой. И все шумит: «А ну-ка, дайте-ка мне поразмяться! Вот уж дам так дам!» Но занятые весенним безумием, косачи не обращали на него никакого внимания.

Не вытерпел я, стал потихоньку голову меж хворстинок просовывать. Только моя мичманка оказалась над кучей, как свободный петух бросился к ней,

пстал на цыпочки, расправил крылья... Вот-вот фуражку с головы собьет. Я потихоньку снова под кучу спрятался. А косач недоуменно посмотрел на то место, где только что мнимый соперник стоял, и давай снова между драчунами бегать, восхищаясь собой.

— А ка-ка-о? Ка-ка-о?

Наконец проделал я дырки в обе стороны и вдвоём в это утро налюбовался молодецкой потехой.

— Ну, что не стрелял? Ведь черныши вокруг тебя настоящие танцы устроили — хоть рукой хватай! — возмутился Олег, извлекая меня из-под кучи.

— Ладно, — говорю, — хоть сам-то живой остался. И рассказал ему, как косач меня под кучу загнал. Рассмеялся Олег и согласился: «Верно, трудно в таких чудаков стрелять».

ЛЕСНОЙ БУДИЛЬНИК

ЛЕС еще спит, окутанный ночной мглой. И вдруг раздаётся горласто и дико голос белого куропагыча. Ну и голосище у птицы! Сыграл побудку лесной будильник, и, смотришь, глухарь, поднялся на насесте, заходил по суковинам, сказал свое «даг-даг» и давай шипеть, словно ножи точить. Зоряночка сказалась, вальдшнеп свечкой взвился к вершинам берез, потянул над опушкой. Рябчики запереговаривались.

Куропагыч не только птиц и зверей разбудил. Вот уже в зеленоватом осиннике бобочет заяц, на сосне цокает белочка, и, батюшки-светы, весь лес гудит, захлебывается от птичьих голосов. Всех поднял куропагыч. Работа эта ему не в тягость, только вот вечером приходится рано ложиться, чтобы зорьку не прокараулить. Тут уж ничего не поделаешь. Такая у него должность — лесной будильник.

У ВЕСЕННЕЙ СТАРИЦЫ

ЛЕД ушел, оставив по берегам обветшалые лохмотья. Тают они под солнцем, уменьшаются в размерах, освобождая все новые и новые участки берега. Вокруг старицы кольцо речного мусора: щепки, кора, стебли растений, раковины прудовиков и катушек... Спадет вода, и новое кольцо, ниже первого, образуется. Здесь по размякшей илистой земле бродят в поисках корма пернатые лакомки. Кого только тут нет! Вон важно прогуливаются черноголовые вороны, по соседству с ними роятся, обследуют побережье смуглые галки, быстро бегают по грязи, оставляя крестики следов, юркие поджарые кулики. Частые гости здесь скворцы, трясогузки, ласточки...

А там что за глинистые комочки у самой воды? Подхожу я к ним, и вдруг комочки оживают, быстро катятся у кромки воды и, наконец, взмывают вверх. Только опустились птицы на землю — снова пропали, а у воды опять комочки глины рассыпались.

— Да это ж кулики-воробы! — догадываюсь я.

Много разных птиц можно встретить у весенней старицы. И всех их сюда привлекает обильная еда. А ласточки еще и глину берут здесь для постройки гнезд.

ЯСТРЕБИНКА

ПРОКЛАДЫВАЯ первую в году лыжню, мы заметили над полем, сжатым с трех сторон густыми перелесками, какую-то необычную птицу. Позже, пробегая мимо этого поля, мы всегда видели ее и уж не представляли лыжной прогулки без встречи с ней.

Птица ястребиной окраски с длинным хвостом и

большой круглой головой подолгу висела в воздухе на одном месте, словно толчком, продвигалась вперед и снова висела над полем. Иногда она камнем падала вниз, быстро схватывала что-то на снежной пелене и скрывалась в соседнем березняке...

Мы выяснили, что птица эта — ястребиная сова. Называют ее еще и березовой. В отличие от других сов, охотится она днем.

...Зимним сереньким днем, продираясь на лыжах сквозь густой молоденький ельник, услышали мы вдруг выстрел, звонко разнесшийся в перелесках.

— Кажется, у нашего поля, — с тревогой заметил Юрка.

— Должно быть, не попали, — говорю я. — Видишь, на поле не забегали. Наверное, пальнули, испугали птицу, а сами, не задерживаясь, промчались дальше.

Внимательно осматриваемся вокруг и на невысокой, преждевременно засохшей елочке замечаем нашу давнишнюю знакомую. Сидит она как-то неестественно и подозрительно на нас посматривает. Приближаемся к ней, а она — от нас. Мах-мах крыльями и... в снег сунулась. Барахтается в снегу, а взлететь не может. Подбежали к ней, хотим в руки взять, а она — в сторону, клювом угрожающе щелкает...

Наконец взяли мы ее в руки, разглядываем. Красива! Большие черные глаза с золотым ободочком, опущенные длинными ресницами, смотрят испуганно и укоризненно, словно говоря: «Эх вы, люди!».

— Не напрасно ее березовой-то называют, — восхищается Юрка, — сядет такая в березняк — попробуй усмотри!

Принесли мы совушку домой. На ночь в подполье садили, а днем выносили в комнату. Мяса давали. Сна-

чала дичилась, но вскоре стала брать лапкой — совсем как человек рукой. Поднесет к клюву и отщипывает маленькими кусочками. Смешно ест!

Через недельку, решив, что птица поправилась, вынесли мы ее на улицу, подбросили в воздух, но она тут же приткнулась к стене дома. Снова взяли ее в руки, а она хоть бы что — даже клювом не пощелкала. Привыкла уже к нам.

Всю зиму жила у нас ястребиночка. И хлеб свой не даром ела: вывела всех мышей. А весенним пасмурным днем, когда в воздухе победно разносились ароматы талой земли, вынесли мы ее к веселой березовой рощице. Всю дорогу сидела сова спокойно, крутила круглой головой, не пытаясь освободиться. На закрайке поля посадили мы ее на пенек, отошли в сторону. Осмотрелась птица, шагнула к краю пенечка и взмыла в воздух легко и бесшумно. Трепыхая крыльями, повисела она минутку над опушкой, словно прощаясь с нами, и серой тенью скрылась в березовом разливе...

Летом около этого поля появился выводок березовых сов.

ЗИМОВЩИК

ОКтябрьским утром, со свистом рассекая тугой морозный воздух, несколько раз взад и вперед пронесся над Югом табунок морских чернетей. Убедившись в безопасности, утки сели, настороженно огляделись и начали кормиться, перекликаясь изредка негромкими голосами.

Еще дремали прибрежные кусты, закутавшись в мягкий туман, сонно глядели на реку сосны. Тишина нарушалась только возней синиц в старом ельнике. То одна утка, то другая ныряли, и тогда расходились по воде узкие выпуклые круги.

Гром, грянувший вдруг в это, казалось, безмятежное утро, облако, рванувшееся из ближних кустов, заставили табунок взметнуться в голубое холодное небо. Все оказались целы, но селезень, что ближе всех находился к предательскому кусту, с трудом преодолевал ставший вдруг плотным воздух. Он не знал, что дробь расщепила у него плечевую кость, но чувствовал, что правое крыло поднималось тяжело, с болью. Весь день он держался вместе со всеми, но к вечеру окончательно обессилел и остался один на длинном и прямом, как стрела, Степановском плесе.

Быстро проходил октябрь. Безмолвно догорали березки, расцвечивая воду золотыми каплями последней листвы. Тоскливо было селезню провожать на юг стремительно пронесившиеся над рекой стайки сородичей, но подняться в воздух он не мог.

Все шире становились забереги, день ото дня уменьшалось зеркало воды, на котором утка могла кормиться. Наконец, 29 октября последняя полынья среди реки покрылась струйчатым и темно-прозрачным, как глубокая вода, льдом. Подранку грозил голод, но, к счастью, в этот день селезень поднялся на крыло и вскоре обнаружил незамерзающий ключик на лесной речке Никитихе. Через неделю селезень окреп настолько, что мог уж держаться в воздухе целыми часами.

В это время никольчане и заметили, что на свободные ото льда участки реки ниже плотины ГЭС ежедневно около десяти часов утра прилетает морская чернеть. Знали об этом и охотники, но ни у кого не поднялась рука на птицу, вынужденную в одиночку, без товарищей, бороться за жизнь в суровую северную зиму.

18 апреля начался пролет уток на север, и селезень исчез. Пристал, вероятно, к пролетавшей мимо стае сородичей. Ну что ж, счастливый путь!

БАРАН НАД ЛЕСОМ

РАЗЛЕГЛОСЬ под боком у города обширное болото с красивым и звучным названием Согра. На Алтае согрой всякое болото называют. Как это слово проникло к нам на север, не пойму.

Боровые гривы Согры иссечены сухими полянами и сырыми низинами. По сфагновым подушкам под чахлыми сосенками рассыпает осень рубиновые бусы клюквы, а летом здесь янтарем светятся желтые глаза морошки, сизым дымком пресных ягод окутывается голубика, и голову дурманит резкий запах ядовитого багульника.

В Согре любит держаться птица: кулики, тетерева, рябчики, совы, дятлы... Всех и не перечтешь! Все находят себе квартиры по вкусу. Да и безопасно здесь: попробуй-ка лиса по вязким сфагновикам и буровато-черным трясинам подобраться к гнездам!

...Хмурым майским утром, когда небо исходило водяной пылью, утопая по колено в раскисших пожнях, иду я по Согре, возвращаясь с охоты. Чавкает под ногами ржавая грязь, неожиданно светлыми каплями рассыпается в стороны дегтярно-черная, застоявшаяся в колдобинах вода. Миновав перелесок из корявых березок, выхожу на поседевшую от белоуса пожню. Идти здесь легче, но по щиколотку вязнут в упругой дерновине ноги. Не успел я передохнуть, как справа, в стайке подростков-елочек, жалобно заблеял баран.

— Откуда он тут взялся?

Шагнул я к елочкам, раздвинул густую колючую щетину — никого нет... А в это время за спиной, в хрупких ольховниках, снова: «бе-е-ээ!». Бросился туда — никого, а слева опять: «бге-ее!».

Стало не по себе. Место-то глухое, мрачное, а я

один... Стою, слушаю, как издевается надо мной невидимый баран, а в это время на пожню из-за туч солнечный лучик возьми да и брызни. Поднял я голову и... расхохотался. Увидал бы меня в эту минуту кто-нибудь, как я стою в глухом болоте и смеюсь во все горло, подумал бы: «Сумасшедший!». А смеялся я сам над собой...

Подняв голову навстречу веселому лучику, заметил я над лесом маленькую птичку бекаса. Летает он над Согрой, словно по морским волнам плавает: то вверх, то вниз. И плавно так это у него получается, как на качелях. Поднимается бекас вверх — молчит, а как пойдет вниз — «беее-еэ!». Это он весну празднует, токует. Только все птицы весной голос подают, а вот бекас другим берет: заберется ввысь, распустит хвост веером — и в штопор. Воздух перебирает перышки в хвосте, и получается звук, словно баран блеет. А кто же додумается барана над лесом искать?

НА РЕЧКЕ ВЫДРИНКЕ

ВЫДРИНКА — речка лесная. Течет она, словно заблудившись, в небольших пожнях, огибая густые ивняки. В жаркие летние дни скрывается от зноя в непролазных зарослях трав, ольховников и смородинника.

Сторожат Выдринку сырые ельники. Зайдешь в них — и нога, как в перину, уходит в мягкие мхи, расцвеченные перистыми коврами папоротников. Весной речонка, набрав от вешних вод силу, выходит из берегов, затопляя прибрежные пожни и березняки. Когда же умрет снег, затоскует речка, уберется в свое русло, на берегах останутся черные разводья ила. Идешь тогда берегом и на грязях видишь цепочки

птичьих крестиков и дырочек, словно орнамент кто-то составлял. Это вальдшнепиные столовые.

Прилетит лесной кулик на такую грязь и ну вытанцовывать: туда-сюда бегаёт и землю клювом целует. А на нежном кончике клюва у него особые осязательные тельца есть. Запустит золотисто-ржавый кулик клюв в илстую жижу, пошарит там и, смотришь, червяка тащит. Как пальцем, нащупывает его в мягкой земле. А там, где ткнул вальдшнеп клювом, дырочка остаётся. Вы таких «столовых» не видали?

ТАЙНА БОЛОТНОЙ СОВЫ

ЗАТУХАЛИ тетеревиные тока, лезла вверх по лесным пригоркам зелёная щетина разнотравья, редкой свежей кисеёй листы туманились деревья. Ещё неделька-другая — и прощай мечта о фотографировании токующих чернышей.

Утро выходного дня застало нас у костра на берегу болтливой лесной речонки. На «нашем» токовище не было ни одной птицы, но где-то в Согре слышалось глуховатое бормотанье, словно бульканье весеннего ручья.

«Что ж, придется попробовать подойти», — думаю я, направляясь в сторону более звонкого бульканья.

Перевалив через Осиновскую дорогу, углубляюсь в Согру. Боровые гривки остались позади. Нога по колено уходит в разбухшие мхи. Болото чавкает, пыхтит, словно предупреждая все живое: «Берегись, человек идет!»

Сдалось болото только тогда, когда совершенно вымотало меня. Впереди замаячила очередная сухая гривка. С нее-то и неслась самозабвенная тетеревиная песня. Но до певца я так и не добрался. Неожиданно сле-

ва бесшумно заметались в чахлом сосняке большие птицы. Они взлетали высоко вверх, делали замысловатые пируэты и повороты, громко хлопали крыльями...

«Ток болотных сов», — догадываюсь я.

Наблюдать его мне еще не приходилось и, естественно, я забыл о тетеревах. А когда вспомнил, их уже не было слышно — разлетелись.

Через некоторое время я снова оказался на месте свиного токовища и совершенно случайно, присев покурить на полусгнившую корягу, обнаружил под нею гнездо с шестью белыми, почти круглыми яйцами.

В конце июня в гнезде пищали, как новорожденные котята, шесть охристых пуховиков.

На этом и закончились бы мои наблюдения над свиным семейством, если б в следующее посещение я не обнаружил пропажу двух птенчиков.

Присмотревшись, по соседству с гнездом, под полусохшей сосенкой, увидел я клюв и коготки... совенка!?

Вот так штука! Значит, незнакомец имел наглость не только утащить совенка, но и съесть его на глазах у мамы!

Этого я понять не мог. А в следующее посещение я нашел в гнезде только одного птенца. Чумахая мамаша с черными пятнами у глаз, рыжеватая сверху и желтоватая снизу, была спокойна, словно в семье у нее полный порядок.

...Много воды утекло, прежде чем я разгадал тайну свиной семьи. Главная пища болотной совы — мышевидные грызуны. Если же в период гнездования совы исчезнут грызуны и мать будет не в состоянии прокормить прожорливое семейство, она просто... съедает детей. И сама сыта, и дети не голодают.

СУМЕРКИ В СОГРЕ

МАЙСКИЙ день догорал. Солнце опустилось в ельник где-то на Вахрамеевских угорах. Сразу потухли тени. Посвежело. Начало смеркаться.

Мы уже давно готовы к ночи. Сухая боровая грива, на которой мы расположились, окружена со всех сторон сырыми лугами с травянистыми болотцами. Вокруг болотец — лозняк и кочкарник. На гриве же — ягель, зеленые мхи, стройный сосняк с разбросанными по нему елками.

Хворост, припасенный днем, египетской пирамидой возвышается неподалеку от костра. Мы лежим на мягких еловых перинах и в ожидании чая ведем неторопливый разговор о весенних звуках вечернего леса: кукушка кому-то годы отсчитывает, бекас весну празднует, тетерев бормотнул...

Постепенно замолкают птицы. Все реже и реже слышится веселая трель зяблика, замолкает пеночка-весничка, не слышны уже тоскливые крики чаек.

Дневные голоса леса сменяются вечерними. Вот с «цыканьем» и «хорканьем» протянул над лесной опушкой вальдшнеп — подружку ищет...

Разливаем в кружки черный, как деготь, чай и вдруг слышим совсем рядом, на нашей же гривке, необычное такое «кнеббеббеббеббебб... кнеббеббе...».

Настораживаемся. Тамара, жена, бежит ко мне. Я поднимаюсь и, бесшумно ступая по мягким мхам, ухожу в сторону загадочных звуков.

Пройдя метров двадцать, останавливаюсь перед небольшой сухой лужайкой. Приспасабливаю на носочки... Передо мной птицы, похожие на бекасов, но клюв вроде короче. Да и крайние рулевые белые. Хвост то-

же не похож на бекасиный—закруглен. Величиной птицы с дрозда-рябинника.

Не замечая меня, птицы бегают по полянке, взъерошив перья. То одна, то другая вытягивает шею, поднимает кверху клюв, быстро-быстро щелкает им, и тогда раздается: «кнеббббббббб... кнеббббббббб...».

У других птиц шея откинута назад, клюв прижат к груди, крылья опущены, как у дерущихся петухов, а хвост веером поднят к голове. Эти издают какой-то трескучий звук, словно ногтем по расческе проводят.

Птицы сходятся, дерутся, разбегаются, и снова звучит так поразившая нас песня...

— Ну, что там такое? — спросила Тамара, когда я, опустившись на еловую постель, взял в руки остывшую кружку с чаем.

— Дупеля токуют, — разъяснил я, вынимая из кармана записную книжку.

Всю ночь до утренней зари слушали мы свадебные песни дупелей.

ПЕРЕВОЗЧИК

ЖАРКИМ июньским днем брели мы по пляжу, что широко раскинулся под Крутиком. И вдруг под самым носом у нас взвилась птичка. Кулик-перевозчик. Присмотрелись мы к месту, с которого вспорхнула птичка, и самый остроглазый воскликнул удивленно: «Гнездо!».

Гнезда настоящего, какие мы привыкли видеть у дроздов, грачей, зябликов, не было. Просто небольшая ямка в земле выстлана тонкими прутиками — и все. Прямо на прутиках четыре зеленоватых с коричневыми пятнышками яичка лежат. Только не скоро их заметишь — ловко маскирует свое гнездо перевозчик.

Можно рядом пройти и не увидеть. Даже мы, зная, где оно расположено, с трудом находили его.

Строит гнезда перевозчик не только на песке. Их можно встретить на галечнике, на илстых отмелях, на приречных лугах.

Перевозчик — распространенный кулик. Гнездится он почти по всей Европе и на большей части Азии. У нас держится по ручьям и речкам, там, где есть пески, ил, галечники. Его мелодичный нежный свист очень оживляет плесы рек, когда он низко над водой перелетает с берега на берег. Очевидно, за эту особенность и называют его перевозчиком.

Зимует маленький куличок в Африке, в Южной Азии, в Австралии. Но каждый год, едва вскроются реки, спешит в родные места. Разве препятствие для него тысячи километров, если родина зовет к себе?

КУКУШЕЧЬЯ ХИТРОСТЬ

НЕДАЛЕКО от Пермаса по берегу Юга раскинулись живописнейшие места. Настоящая никольская Швейцария! Только называют ее здесь Красной Горкой. Громадный песчаный уступ, заросший густым лесом, круто обрывается к речной пойме. В ней танцуют белостволовые березки-северянки и степенно стоят южане-вязы. Малахитом ивняков обрамлены берега реки.

Остановились мы как-то у Красной Горки на ночлег. По соседству с нами в густой купе ивняков громадная береза стоит. Один из сучков у нее выгнил, и там горихвостки гнездо устроили. Птички с черными галстучками и щечками. Сядет горихвостка на веточку, посмотрит на нас, дрогнет ржавым хвостиком, сорвется вниз, схватит мушку — и снова на ветку. Ловко это у нее получается!

Забрались мы на березу, смотрим в дупло, а там пять яичек голубых, как небо, лежат. Не стали мы птичкам мешать, отошли в сторону. Готовим обед и вдруг видим: птица ястребиной окраски к гнезду наших знакомых летит. Горихвостки — в атаку. Шум подняли. Из кустов стайка пеночек вынырнула, зорянки появились, дрозды... И вся эта птичья мелочь унеслась вслед за кукушкой вниз по реке.

— Отогнали бездомную! — радуемся мы.

Только напрасно мы радовались. Едва птичья армия скрылась, к гнезду снова пестрая птица шмыгнула, но чуточку потусклее первой.

— Самка!

Птица заглянула в дупло, выбросила одно яичко и юркнула в гнездышко... Когда она улетела, заглядываем в дупло — в нем пять голубеньких яичек!

Вернулись горихвостки, но перемен в квартире не обнаружили. Так и будут высиживать кукушонка.

ЧЕРТОВА ЯМА

НА СТОЛЕТНЕЙ сосне Яшкина Бора свил себе гнездо до ястреб-тетеревятник. По соседству с ним, под высоким крутым обрывом, облюбовала омут старая щука. Так и жили они бок о бок.

Ястреб закогтил не одну сотню лесных певцов. Доставалось от него и рябчикам, и тетеревам. Исправно отправляла в свою зубастую пасть разных подводных жителей и «пресноводная акула».

В общем, жили оба хищника, не тужили. До поры до времени. И время это наконец пришло — состарился ястреб. День летает голодный, второй — тоже. Как ни старался, все птички от него увертываются. Сел он с горя на сухой сук, смотрит кругом и думает, чем бы

ему поживиться. А щука в это время, выплыв на травянистую отмель, грелась на солнышке. И спина чуть-чуть из воды торчала. Тут ястреб и бросился на хищницу, вонзил ей в хребтину острые когтищи...

Щука мощным рывком метнулась в темную глубину омута. Не успел ястреб крылья сложить — захлебнулся. Так и стала жить огромная щука с ястребом на спине.

Много еще страхов натерпелись от нее мирные рыбы. Да и люди побаивались, когда из речных глубин неожиданно показывались крылья крупной птицы.

— Не иначе, черт в птичьем обличье, — решили суеверные.

Омут, в котором щука та жила, до сих пор Чертовой Ямой называется. Только «черта» там давно нет — попался он в двойные рыбацьи сети.

ПТИЦА - НЕВИДИМКА

ГЛАЗА устали от непрерывной игры света и теней, и, чтобы дать им отдых, я выхожу на обширную вырубку. Здесь ржавые мхи, старые, как сама природа, пни и хворост. Облюбовав небольшой, не слишком трухлявый, ноздреватый пенек, присаживаюсь и в двух шагах от себя, у кучи старых еловых веток, вижу настороженный, большой и влажный как спелая черника, глаз.

— Что за диво? Никого нет. Один глаз живет, что ли?

Тянусь я к черничинке и только собираюсь потрогать, как из-под руки стремительно взмывается буровато-крапчатая птица с острыми крыльями и бесшумно уносится вдоль просеки. На земле же без всякого гнездышка, будто случайно оброненные, остались

два яичка. Беленькие. А по белому пятнышки серые и буроватые. Не стал я трогать их, отошел в сторону. И только порхнула птица к пенечку, ни яиц, ни птицы не видно стало. Но спелая черничинка снова на меня уставилась.

Смешная птица — козодой! Рот большой, а по краям щетинки черные, словно усы, топорщатся. Раскроет он рот и, как сачком, в сумерки майских жуков да бабочек разных ловит. Много он ночных вредных насекомых уничтожает. Полезная птица. И глаз, как черничинка.

ДРОЗДКА

В ПЕРВОЙ декаде июля, когда появилась зрелая земляника, а на лугах начался сенокос, вылетели из гнезд птенцы дроздов-рябинников. Круглые, как шар, грудка пестрая, широкий желтый клюв, а глаза — бусинки. Озорные!

Вылетели из родных домишек, сели на веточки и глядят кругом. Все им интересно, и ничего-то они еще не боятся — подходи и бери.

Такого дроздика и принесли мне однажды ребята. Ну, куда его денешь? Отпустить в огород — кошки съедят. Пусть, думаю, живет у нас.

Посадил я его на фикус, и так он там и сидел, пока бегать не научился. Аппетит у Дроздки был отменный. Съел кузнечиков и гусениц сотню и еще просит. Принес я ему червей, которых для рыбалки накопал. И их шестьдесят штук съел!

Чуть-чуть проголодается дрозденоч, шум поднимет на весь дом. Дело дошло до того, что мимо фикуса и пройти нельзя стало. Спит, кажется, Дроздка, идешь потихоньку, а он откроет свои глазенки да как заорет!

Или корми его скорей, или из дому убегай. Требовательный квартирант!

Во время обеда садили мы его на стол, иначе не давал он нам покоя. Сидит однажды, смотрит, как мы едим, и вдруг: бах в тарелку с супом! Хорошо, что суп не горячий был. После этого случая мы каждый день ставили на пол таз с водой. Сколько радости было у Дроздки, сколько писку, возни в этом тазу! А брызги — во все стороны.

Мы часто бывали в отлучках, и привязался дрозденоч все больше к матери. Идет она в огород картошку окучивать, а Дроздка за ней. Мать работает, а он кругом шныряет. И не видно его нигде. Найдет мать червячка, крикнет: «Дроздка! Дроздка!» А он тут как тут. Распустит крылышки, клюв кверху: «Ну что там еще нашла? Давай!»

Пришло время, окрепли у Дроздки крылья, поднялся он и полетел. Сначала несмело, а потом все увереннее и увереннее. Под осень ночевал Дроздка уже не дома, а вместе со стаей сородичей, которая готовилась к отлету в далекие южные страны. Наконец, Дроздка пропал совсем. Не чаяли мы его больше и видеть. Но как-то утром, едва мать раскрыла дверь, в комнату ворвался щеголеватый рябинник. Сел он на стол, растопорщил свои крылышки и сварливо заверещал.

— Дроздка! Дроздка прилетел! — радуется мать, не зная, чем и покормить своего питомца. А он наелся, повертелся вокруг матери, сел к ней на плечо, ласково потерся головкой о ее шею и вылетел в раскрытое окно.

— Прощаться, видимо, залетал, — грустно сказала мать.

Действительно, больше мы его не видали.

ЯСТРЕБЫ НА ДОРОГЕ

НЕ СИДИТСЯ дома в теплый сентябрьский денек. Тянет в лес, в Берендеевы чащи. И уже мчим мы с товарищем по знакомому тракту. Всюду приметы осени. Высохли, поблекли травы. Березоньки в желтых прядках. На осинах словно тысячи красногрудых снегирей. Воздух прохладен и чист. Впереди, метрах в двадцати от нас, мелькнула серая тень ястреба-тетеревятника. Поднялся он с ели. Исчез в подлеске. Потом взмыл второй с жертвой в когтях. Встретился даже болотный лунь, рыжеватая птица с острыми когтями и загнутым клювом. Опять тетеревятник. Настоящая высыпка пернатых разбойников.

В этих местах я не раз проезжал в июле и августе, но ястребов не видел. Знать, неспроста они объявились на тракте. Долго ломали мы голову, почему ястребы на дороге, пока не заметили, что над сухопутной трассой пролегает другая — воздушная, по которой тянет на юг птичья мелкота. Утомятся птахи, присядут на перепутье на провода отдохнуть, а зоркие ястребы тут как тут. Вывернутся из-за дерева, тотчас сцапают оплошавшую птичку. Ничего не скажешь — смекалисты!

НЕПУТЕВЫЙ

ОКОЛО полуночи после блуждания по лесным вырубкам мы добрались до избушки. Дед Данила, утомленный ходьбой по лесу, снял охотничью сумку, повесил на стену ружье, растянулся на нарах и уснул. Я затопил печку и отправился за водой. В безоблачном небе ярко блистали далекие звезды. Над зубчатой стеной леса висела луна. Ее скупой свет тускло освещал покрытую дранкой крышу избушки, деревья. Внизу

слышался торопливый говор речушки. Спустившись к ней, я зачерпнул воды и в тишине ночи услышал горластый, знакомый каждому крик «ку-ка-ре-ку!».

— Что это? Не ослышался ли я?

Крик повторился. Петух! В суземе, в десяти километрах от ближайшей деревни!

Встали мы поздно, когда в подслеповатые оконца избушки заглянуло солнце. Позавтракали, направились домой. Я так и не решился рассказать своему спутнику о том, что ночью слышал крик петуха. Все равно Данила не поверит, а другие узнают — засмеют. Сам решил убедиться, кто же в лесу по-петушину поет.

На просеке мы расстались с дедом. Он прямушкой направился домой, а я зашагал дальше. Около реки я еще издали заметил тетю Дашу, знакомую колхозницу, у которой мы, охотники, не раз останавливались на ночлег. Увидев меня, она даже руками всплеснула.

— К тебе заходила, дело есть. Два года петуха держала. Красивый был, чернущий, словно головешка, а гребень, как маков цвет. Всем был хорош, да только имелась у него одна фальша: никак своего дома не держался — все за чужими курами ухаживал, даже ночевал у соседей. Приемком его нарекли. Решила в город знакомой подарить. Понесла, а он возьми да у Пронина хутора и выскочи из корзины. Только его и видела! Да что и говорить — такой уж непутевый и был. Хоть бы ты его подстрелил, черта окаянного.

— Слышал я твоего непутевого ночью. Поймать не обещаю, а подстрелить постараюсь.

И вот я вновь в лесной избушке с неразлучным охотничьим другом — лайкой Шариком. Около полуночи, как и раньше, прозвучал петушиный голос, громкий, задорный. Но на улице было так темно, что

об охоте за петухом нечего было и думать. Наконец забрезжило. Я вышел из избушки. Шарик, спавший на сене, прибежал ко мне, приветливо залаял.

— Ну, дружок, пойдем, — вслух сказал я.

— Ку-ка-ре-куу! — словно по моему заказу в дальнем конце поля закричал петух.

Через несколько минут я был уже там. Высокой плотной стеной недвижимо стоит овес. Я остановился на меже и пристально всмотрелся в посевы, пытаюсь увидеть непутевого. Петух не показывался. Тогда я зашел в овес, двинулся вдоль загона. Но и это оказалось напрасным.

— Ку-ка-ре-кууу! — раздалось пение петуха теперь уже метрах в ста от меня. Очевидно, петух удрал. Шарик же на петушиный крик не обращал никакого внимания.

Когда я подкрался к месту, где петух кричал в последний раз, то заметил, как неподалеку зашевелились стебельки овса. Однако выстрелить туда не решился, соблюдая золотое охотничье правило: стреляй только тогда, когда отчетливо видишь, во что стреляешь.

Минут через пять петух запел снова, опять в том месте, где был сначала. Словом, мне не повезло. Долго я выслеживал петуха в то утро, но не то что убить, высмотреть не сумел. А когда он перестал петь, пришлось идти домой, так и не выполнив просьбы тети Даши.

Неудача с петухом задела мое охотничье самолюбие, и дня через два я вновь отправился на охоту. Но на этот раз непутевый не запел ни в полночь, ни на рассвете. А когда я пошел вокруг поля, на опушке леса увидел множество крупных перьев и звериные следы. Ну и лиса! И тут меня обставила!

ЛЕСНАЯ КУРОЧКА

ТЕПЛЫМ августовским вечером подкарауливал я медведя на овсах.

Вечереет. Солнце скрылось за горизонтом. В лесу тихо, словно все его обитатели уснули. Даже надоедливые комары куда-то запропастились.

Из-за белокурых кудрявых березок вывернулась какая-то запоздавшая птица и шумно опустилась в нескольких метрах от меня под соседнюю елочку, около разворошенного медведем муравейника. Это была тетерка.

Минуты две птица сидела не шевелясь и чутко прислушивалась. Сверху мне хорошо было видно лесную курочку, ее рябую спинку, маленькую точеную головку. Теперь мы были вдвоем в этом отдаленном уголке леса, и мне стало повеселее. Тетерочка чистила перышки, оклевывалась, как домашняя курица, и долго не могла уgomониться. Наконец, она нахохлилась, втянула шею. В лесу по-прежнему тишина — ни звука, ни шороха.

Лесная курочка спала, не подозревая, что рядом находится охотник.

«Почему же тетерка спит на земле? — подумал я. — Так она легко может стать добычей хитрой лисы, свирепого горносталя или любого другого хищника. Куда лучше бы ей устроиться на ночлег на дерево, спать на сучке, как курицы на насесте».

Признаться, до этой встречи с лесной курочкой я так и думал, что летом тетерева спят на деревьях и только зимой, спасаясь от холода, забираются под снежную шубу.

Где-то в вышине просвистели утки. Неожиданно я услышал глухой нарастающий шум. С каждой мину-

той он приближался. И вот уже начал накрапывать дождь. Первые крупные капли брызнули на землю. Мне ничего не оставалось делать, как уйти в шалаш. Осторожно, чтобы не разбудить лесную куру, по сучкам, словно по ступенькам лестницы, я спустился на землю, достал фонарик, посмотрел под елку. Уставшая за день тетерка спала. Пора было спать и мне. Я зашагал к ночлегу.

В ТЕСНОТЕ, ДА НЕ В ОБИДЕ...

БОЛЬШИЕ стаи береговушек, особенно перед отлетом, никому не в диковинку. Общительны эти птички, и нередко в стайке их можно видеть и городских ласточек-воронков, и деревенских касаток.

Гнезда береговушки устраивают в высоких обрывистых берегах целыми колониями-городами. Длинный, круглый в сечении ход-норка длиной до метра ведет в гнездовую камеру, высланную мягкими травинками, пухом, перышками. В выводке у береговушек обычно от четырех до восьми птенчиков. И, конечно, никто не удивится, если из одной норки выпорхнут одна за другой шесть-восемь птичек. А если больше?

Плыли мы как-то в лодке в начале августа вниз по реке. С рыбалки возвращались. Торопились, потому что небо впереди вдруг пригорюнилось и быстро стало завлакиваться мрачной тучей.

Дождь ринулся вниз огромными и частыми каплями. Потускнела от них водная гладь, зарябила. Скрылись за густой завесой дали. Выполоскало нас — ни на ком сухой нитки не осталось. Решили причалить к берегу и, когда кончится дождь, выжать одежду.

Направляемся к крутому обрыву, в котором темнеют отверстиями десятка два ласточкиных гнезд. Когда до берега осталось метров пять, из норок посыпались вдруг береговушки. Одна, две, десять... По пятнадцать — двадцать птичек из каждого гнезда.

Поняли мы, что береговушки тоже от дождя спасались. Не стали им мешать, поплыли дальше. И только миновала лодка обрыв, ласточки снова одна за другой юркнули в надежное убежище.

У Р У Ч Ь Я

КОНЧИЛИСЬ продукты, а бригаде предстояло еще целые сутки работать на дальнем участке.

— Вы, ребята, хоть бы рябцов настреляли, — обратился к нам бригадир. — Небось, в охотниках числитесь...

Поутру, как только занялась заря, мы с Николаем отправились на охоту. Добрых два часа бродили по лесным вырубкам, шарили глазами по деревьям, дудочками манили рябчиков. Лесные петушки охотно отзывались, но подлетать и не думали.

Разочарованные неудачей, мы шли берегом лесного ручья, который привел нас к реке. Падая вниз, он образовал глубокий овражек. Вода в нем звенела.

Мы подошли к овражку и застыли от неожиданности. На дне впадины, в нескольких метрах от нас, там, где пузырились и пенились падающие струи, бродил глухарь. Большой, черный, с беловатым клювом, он потрясал бородатой головой и клевал вымытые водой камушки. Шум ручья заглушал наши шаги, и, занятый своим делом, он не замечал нас. Мы постояли, переглянулись и отошли прочь: не поднялась рука стрелять в птицу, застигнутую врасплох.

ВОРОНЯ ОХОТА

КУДА ни кинешь взгляд — во всем чувствуется приближение осени. Охристые поля, жухнувшие травы на них... Половина овсяного поля уже свободна от суслонов. На этой-то половине и заметил я с десяток ворон.

«Не овес же они собирают, — думаю, — нахватались бы с суслонов...»

Наблюдаю. Вот одна из черноголовых шагнула раз, другой, смешно склонила голову и внимательно смотрит куда-то вниз и вбок.

— А-а, вот оно что! В мышиную норку заглядывает. Скоро ли ты, мол, длиннохвостая, навверх выйдешь. Но мышшь не торопится. Ворона отходит в сторону, замирает, а взгляд словно гипнотизирует мышиную нору, не отрываясь от нее.

Наконец надоело мышши бездельничать. Как-никак, зима скоро, овес вот-вот увезут с поля.

Только показалась мышшка из норки и... попала в вороний клюв. Завистливые соседки бросились к удачливой охотнице. То-то было крику и драки! Кому досталась мышшь — то ли законной ее владелице, то ли более ловкой соседке — я так и не понял. Где тут в такой свалке разглядишь!

ЯКУНИНА БЕРЕЗА

ВОТ и промелькнула осень. Предзимье. На зорьке бредем опустевшими полями. Под ногами шелестит низкая щеточка стерни, потрескивает ледок в лужицах. Впереди маячит береза. Одна-одинешенька красуется она на холме. Внизу лог — Утин. Он упирается в поросшее чахлым сосняком болото. По утрам подни-

маются из него косачи, тянут к Утину полю. Лесные петухи частенько лепятся на березу, головешками чернеют на ее голых ветках.

Раньше каждую осень «чучелил» здесь дед Яков—Якуня, как звали его в деревне. Не любил старик похвастаться трофеями. Возьмет за зорьку одного черныша, хотя иной раз за утро прилетало их по десятку.

— Куда больше? — пожимал плечами Якуня. — Не гоже, милой, себя обманывать. Она, дичь-та, украшение наше. Без нее и лес не мил.

Любили мы, мальчишки, прибегать к деду на охоту. В скрадке-шалашике у Якова всегда теплится очажок-костерок из сухих ольховых палочек.

Невысокий, чуточку сутулистый, с черной кустистой бородкой, в лохматой заячьей шапке-ушанке, полушубке, перехваченном ремнем-патронташем, дед Яков прилаживал над очажком с закоптелыми боками котелок и ждал, когда закипит вода. И трудно сказать, зачем сюда приходил дед: охотиться или просто попить чайку, полюбоваться природой.

Весной же старик не брал ружья в руки, хотя дома ему не сиделось. Ни свет ни заря вставал Якуня и бродил по заветным местам. Наглядеться не мог на косачей, встречающих восход солнца на березе, что высилась на холме.

Давненько не стало Якова. Да и от березы, на которой чучелил дед, остался трухлявый пенек. Только рядом вымахала другая, которую посадил дед Якуня. На ней прилажены мои чучела. Вместе с сыном Вовкой я сижу в скрадке. Шалашик из прошлогодних веточек похож на небольшой чум. С прошлой осени не заглядывал я в него. Под ногами жухлая трава, холмик выброшенной земли — видимо, наведывался сюда крот. В самом верху шалашика гнездо, свитое из тра-

винок, устланное мхом. На сучках свернутая трубочкой «Пионерская правда»: наверное, ребяташки летом спасались здесь от дождя.

Хлопанье сильных, словно пружина, крыльев превало мои размышления. А на березе, над самыми чучелами, уже качается на ветвях с лирообразным хвостом черныш. Клюквой краснеют брови, белеет подхвостье. Не замечая подвоха, косач вышагивает по суку, поглядывая на моих матерчатых курочек. Мы во все глаза глядим на петуха, а тот хорохорится, фуфырится. Вдруг набежал ветерок, прошумел вверху. С вершины оторвался сук, грохнулся на землю и разлетелся на несколько осколков. Тетерева как не было.

— Улетел! — с досадой уставился на меня Вовка. — Пап, а, пап, а если эта береза умрет, тогда как?

— Наверняка кто-то другой посадит новое деревце. И всегда будут летать косачи, радостно встречать весну на Якуниной березе.

УТИНАЯ СМЕКАЛКА

В ОКТЯБРЕ по утрам на реке за Никольском гремит ружейная канонада. Началась утиная «лихорадка». Едва занимается рассвет, а в скрадках, наскоро оборудованных из еловых лап, поверх крытых ивнякам, затаиваются охотники. На рябящей воде покачиваются резиновые чучела. К ним и присаживаются отдохнуть пролетные стаи. Иногда стаи налетают одна за другой. Утка, как говорят, валит валом.

Однако на этот раз мы возвращались домой с пустыми руками. Утки словно сквозь землю провалились. Неожиданно из-за поворота вывернулся нарядный гоголь и на наших глазах плюхнулся на песчаную

отмель. Один из охотников бросился скрадывать утку, но она, заметив опасность, поднялась и, пролетев метров тридцать, опустилась в середину плавающих на воде домашних уток. Прибывшись к домашним, дикарка, очевидно, почувствовала себя в полной безопасности и с невозмутимым спокойствием копошилась в водорослях под самым носом незадачливого охотника, словно потешаясь над ним.

Лодки поблизости не было, и он оставил утку в покое.

— Ни пуха, ни пера! — хохочут женщины, полоща белье на плотике. — Ай да утка!

Наверно, не первый раз нашла дикарка спасение у своих домашних сородичей.

ДВЕ ВСТРЕЧИ

И ЮНЬСКИМ зноем вымело деревенскую улицу. Ни души кругом. Только у высокого нового дома взад-вперед, как стрелы, снуют касатки.

«Гнездо строят», — думаю я и вдруг замечаю какие-то странные движения двух ласточек. Они то разлетаются в стороны, то стремительно сближаются, и тогда в воздухе маленькой вьюгой кружится пух. Скоро одна из них беспомощно заковыляла в воздухе и медленно свалилась на землю.

Подхожу, беру в руки и вижу: вместо правого глаза — кровоточащая ранка. Вот тебе и слабые птички!

Иду я лесной дорогой, несу в руках касатку и не знаю, что мне с ней делать. Дома кошка ее, слепую, цапает. Лучше отпустить.

Подбросил ласточку вверх, и она села на верхушку ближайшей кустистой ивы.

...Кончилось лето, золотом опавшей листвы расцвятилась земля. В конце августа распрощались с родными местами ласточки, а в октябре начался пролет морских уток. Не спится в эту пору охотникам. Решил отсидеть зорьку с чучелами и я.

Мерзну как-то в шалаше, жду уток, смотрю кругом. Сзади — старица. Черной махиной высится над ней большая черемуха. Низко склонили головы облысевшие к зиме ивняки. Порыжевшие осоки по берегам старицы высунулись из-под льда и смотрят все в одну сторону, шепчась между собой от слабого ветра.

— Что они видят? О чем шепчутся?

Ага! Вон там, на льду, что-то темнеет, вроде бы мертвая птичка...

Забыв про уток, выхожу из шалаша и направляюсь к загадочному предмету.

Так и есть — птичка! Вернее, не птичка, а птичий скелет, обтянутый перьями. Глянул я на него — и тоской сдавило сердце. Передо мной лежала касатка, а вместо правого глаза у нее — старая зажившая ранка...

ПЕРНАТЫЙ ПОМОЩНИК

ДЕДУ Афоне без малого восемьдесят. Скрючило его, согнуло в три погибели, голова оголилась, словно спелый одуванчик под ветром, но в глазах еще живинка. Любит он и крепкое словцо, и веселую шутку, и без работы сидеть не может. Так и председателю сказал: «Не могу я, Степаныч, без работы-то, хоть к чему-нибудь приставь...»

Вот так и оказался Афоня сторожем колхозного зерносклада. До поры до времени все шло нормально. Дед ходил, гордо выпятив щуплую грудь: не без работы, мол, и мы.

...Беда нагрянула неожиданно. Заметил вдруг Афоня, что во ржи много каких-то черных зернышек появилось. И рожь-то в амбар отгружалась отборная, для посева. Присмотрелся Афоня и ахнул:

— Мыши! И откуда их нелегкая принесла?

Чего только ни делал Афоня! И мышеловки ставил, и отравленные приманки разбрасывал. Не идут мыши ни на что.

— Да и чего им лезть на погибель, ежели отборное зерно под носом? — рассуждал дед в конторе.

Кот Васька, которого дед тайком от бабки Омельяны принес из дому, сбежал, отказавшись помогать деду. Пригорюнился Афоня, с лица спал.

«Надо отказываться от работы. Стар стал, если с мышами справиться не могу. Засмеют», — думает он. С думами своими он не сразу заметил обезглавленную тушку мыши. Заметив, удивился. Смотрит: еще одна, еще... И все без голов.

За неделю дед около тридцати обезглавленных мышей подобрал и решил: «Пойду к председателю, спрошу, кого это он мне в помощники определил...»

Пришел дед в контору, выложил на стол председателю всю свою недельную добычу.

— Вот, — говорит, — как дело-то пошло...

Все присутствующие сначала вытаращили глаза, онемели, и вдруг грянул хохот:

— Ты уж не сам ли, Афоня, ловишь?

— Ишь, как ловко: р-раз — и нет головы!

— Ну и глаз у тебя, точнее кошачьего.

— Ай да Афоня! Как картошку в чугушке, мышей ловит!

Обиделся дед, ушел. Идет он по деревне и вдруг решает: «Пойду-ка я к учителю, Александру Степановичу. Авось поможет чем-нибудь...»

— Так много, говоришь, мышей в амбаре? — спрашивает учитель.

— Тьма-тьмущая! Отродясь эстоль не видывал.

— Покарауль-ка ты, дед, вечерком. По всем признакам, сова тебе помогает. Когда пищи много, она у мышей только головы съедает, лакомые для нее, а остальное бросает.

Затаился дед в амбарном углу. Сидит, не шелохнется. Вот и мыши завозились, писк подняли. И вдруг в сгущающихся сумерках упала сверху бесшумная тень, только ветерком обдало деда. Мыши прекратили возню. А тень так же бесшумно унеслась под крышу. Вскоре рядом с дедом что-то мягко шлепнулось.

— Мышь безголовая, — догадался Афоня. — Правильно учитель говорил. Ну, на то она и наука, чтобы все знать.

А сова вывела всех мышей и исчезла. Какое ей дело до Афониных тревог!

ОГОНЬКИ НА БЕРЕЗАХ

С ВЕЧЕРА шел крупный снег. А ночью неожиданно вызвездило и по небу разлилось полярное сияние.

Мы пересекли реку, покрытое снегом поле, поднялись на увал и вышли к молодым березовым перелескам, на которых любят кормиться тетерева. Быстро поставив чучела, сели в шалаши. Сильно беспокоил мороз: хватал за щеки, за нос, леденил ноги.

Тетеревов не было, но когда взошло солнце, мы увидели такую картину, ради которой стоило подниматься с теплой постели и лютой ночью уйти в лес! Вечерние снежинки застряли на березках и ольшаниках у каждой почки, на каждом кончике веток и под лучами

солнца вдруг вспыхнули и засветились маленькими яркими огоньками. Лес сразу изменился, заискрился, засиял, как человек, узнавший приятную новость. Даже новогодним елкам далеко до этой естественной, но сказочно прекрасной наряженности!

Когда солнце поднялось выше, огоньки исчезли, испарились. Наверное, и тетерева в это утро не прилетели потому, что залюбовались где-то другими березками с огоньками на ветках.

СЕВЕРНЫЕ КОЛИБРИ

ТУСКЛЫМ декабрьским деньком отправился я на Погорелицу в последний раз поохотиться на тетеревов с чучелами. В закрайке поля у меня живой шалашик-скрадок. Как-то осенью выкорчевал я в лесу несколько елочек и в два ряда посадил их кружком около больших берез. Прижились, разрослись, колючие. Раньше, бывало, сготовишь скрадок, поохотишься осень, а на следующую приходишь — развалился, рухнул шалаш, надо опять новый делать. А живого шалашика на много лет хватит. Придешь, срежешь зеленые веточки, что заслоняют оконца — и вся недолга.

Повесил я чучела на березе и сижу на чурбаке, цигаркой попыхиваю. Ни один тетерев меня не заметит, так надежно схоронился я в елочках. Только вот не летят краснобровые.

Тих зимой лес. Снег завалил деревья, и они утонули в снежной кипени. Торчат из-под снега сухие стебли иван-чая. С карканьем пролетел ворон, пробарабанил дятел, и опять безмолвие.

Вдруг сверху, с еловых веток посыпалась снежная пудра, и я заметил прилетевших ко мне в гости крохотных, величиной с бабочку-махаона, птичек ко-

рольков. Они прыгали по веточкам, деловито осматривали и что-то клевали. Бойкие, доверчивые птички отыскивали схоронившийся в тайничках корм.

Броде бы и ростом не вышли, и одежкой скромны, а поди ж ты, каждая птичка за лето уничтожает до четырех миллионов личинок.

Корольки еще некоторое время попискивали, шныряли по веткам, потом вспорхнули на соседние березки, поновали там, перелетели дальше. И долго еще звенели хрустальные колокольчики в лесной тиши.

ЛЕСНОЙ ХИРУРГ

МНОГО лесных врачей охраняют здоровье нашего зеленого друга — леса. Пронырливые синицы и степенные поползни — терапевты, а вот дятлы увлекаются хирургией. Серьезно и деловито простукивает дятел молоденькую голую осинку.

— Здорова!

А вот старая морщинистая ива вызвала у хирурга подозрение. Он долго возился с ней: и с той стороны постучит, и с другой, и выше, и ниже...

— Ага! Нашел!

Болезнь — личинка жука-дровосека — здесь, в древесине, ниже сухого сучка. Началась операция. Снег под ивой зажелтел от древесной трухи, и ее уже сноровито проверяют синички. Но хирургу не до них: нашел ход личинки, а клювом ее не возьмешь — узко. В ход пускается другой инструмент: длинный, круглый, клейкий и острый, как шило, язык накаливает лесного вредителя и извлекает его наружу. Операция закончена, начинается новое обследование.

Любит дятел полакомиться семенами хвойных деревьев. Найдет в лесу пенек с расщепами или дерево

с выгнившим сучком, вставит туда шишку основанием вниз и ну долбить! Только чешуйки монетками ложатся на белый снег. Прикончит дятел одну шишку и летит за другой. Новую шишку прижмет грудкой к стволу, а старую клювом выбрасывает.

Дятлов в наших лесах много: трехпалый, желна, седой, большой и малый пестрые, белоспинный... Но узнать, который из них работал у «кузницы», просто. Едва постучишь ножом по сухому дереву, и вот уже из-за ствола ближней березки выглядывает головенка в красной шапочке.

СИНИЦА

ЛУНКИ, цепью вытянувшиеся поперек реки, на глазах заносило снегом, и поплавки скрывались под ледяной кашей. Клева не было: ломалась погода, и рыбаки часто сходились у костра, курили, рассуждали об изменчивом рыбацком счастье...

Проверив дальние лунки, иду к костру и я. На ходу замечаю: мой рюкзак, брошенный у ольхового кустика, чуть дрогнул. Стираю с очков растаявшие снежинки, подхожу ближе. В мешке определенно кто-то возится! Пустая его верхушка ходуном ходит.

«Кто же это может быть?» — думаю я.

Из рюкзака вдруг показывается птичий хвостик, а затем и вся желтобокая красавица. Усевшись на мешке, она с любопытством глянула вокруг черными дробинками и, удовлетворенно пискнув, улетела к ближней елке, унося в клюве что-то белое.

С интересом проверяю свои пожитки. Хлеб цел, сахар на месте, а вот срез колбасы глянул на меня пустыми глазницами из-под кусочков сала...

— Ревизор-то со вкусом! — смеются рыбаки.

На реке Унже

РЫБАЦКОЕ СЧАСТЬЕ

РЫБАЛКА — вещь заразительная. Только «болеют» ею по-разному. Иного прельщает возможность наедине с природой созерцать рождение нового дня, приходящего в клочьях тумана и золоте косо́й паутины солнечных лучей. Другой ценит мгновенья борьбы с попавшей на снасть крупной рыбой. Третий же превыше всего ставит результат ловли — рыбу. Так или иначе, человек, схвативший рыбную «бациллу», неизлечим. Да и не так уж важно, каким путем попала она в организм, что заставляет человека торчать над водой все свободное время, ибо в конце концов каждый приходит к выводу: рыба не главное, основное — процесс ловли и все переживания, с ним связанные.

К Вениамину страсть рыбацкая перешла по наследству. С раннего детства сохранились в памяти картины залитой солнечным блеском реки, тяжелых всплесков язей, жирующих в Чертовой Яме, богатые уловы и пустая корзинка, укрытая ольховыми ветками... Все было.

С возрастом болезнь обострилась и стала выгонять из дому даже в морозные зимние воскресенья.

...Еще чуть брезжит, чуть светлеет узкая полоска неба на востоке, а Вениамин уже на ногах. Черви, провиант — все приготовлено с вечера. Осторожно, боясь разбудить жену и детей, выходит он на крыльцо, вдыхает крепкий воздух, пахнувший снегом.

«Эх, и порыбачу же!» — думает он, шевельнув в улыбке обвисшие запорожские усы.

Дорога до Россохина неблизкая, но делать нечего — заветные места там. Пока ленивое на подъем зимнее солнце раздумывало, встать или не встать, Вениамин, разгоряченный ходьбой, пришел на место.

Быстро расчищен лед, пробиты лунки... Клев начали окуни. Красноперые, крупные, они быстро расцвели лед около лунки, словно розы кто-то вокруг сбросал.

К полудню пришли посмотреть на чудака, мерзнувшего на льду, росохинские мужички. Но слово «чудак» так и не сорвалось с их онемевших губ. Пораженные богатой добычей, они сразу изменили свое отношение к зимней рыбалке.

— Ты эдак, пожалуй, всю рыбу у нас переловишь, — промолвил, наконец, один из них.

— На что хоть ловишь-то? — добавил второй.

— Нет у нас червей-то, — вздохнули оба, — по всей деревне не сыщешь. А ты где берешь?

— Где, где? Ясно где! У нас их у бойни и в мусорных кучах на берегу круглый год копают.

...Через два дня, идя на работу, встретил Вениамин в городе двух росохинских мужичков.

— Куда вы? — спрашивает.

— Да вот... червей копать пришли... Видать, заразил ты нас...

ПОДВОДНЫЙ СТОРОЖ

ОТЗВЕНЕЛИ весенние ручьи. Оставив на берегах грязные лохмотья, ушел лед. Медленно светлеет югская вода, готовясь встретить приближающееся ле-

то, но на мелководьях видны уже вросшие в дно камешки, затонувшие сучья, щепки. Бездумно играя прутиком, я вожу им по дну, переворачиваю разный мусор. И только собрался подцепить плитчатый камешек, вылетел из-под него взъерошенный толстоголовый подкаменщик и в прутик башкой — стук! Погружаю в воду ногу — сумасшедшая рыбка бьет и ее.

«Ну и смельчак!» — восхищаюсь я.

Не обращая больше внимания на взбесившегося бычка, поднимаю камешек и вижу кучку красновато-желтых икринок. Теперь мне понятно неистовство неказистой рыбешки — гнездо сторожит.

Когда вода пошла на убыль, облюбовал подкаменщик местечко, вырыл маленькую ямку и стал ждать такую же толстоголовую, как и сам, подружку. Приплыла она, положила в гнездышко кучку яичек и, пока самец обливал их молоками, скрылась. Охотников до рыбьей икры в реке много. Только зазевайся чуточку — пропало потомство. Вот и сторожит смешной папаша свое будущее. Ни поест, ни полить как следует некогда — гнездо-то ведь с собой не возьмешь. Мнительным стал, даже на проплывающие мимо щепки и сучья бросается. Вечером стайку окуней отогнал, утром сегодня щуренок мимо плыл — пришлось пугнуть и его. И ничего, справляется. Кого хочешь напугает такая образина с красноватыми глазками, разъяренная да к тому же и с колючками на толстущей голове. Как саданет шипом — взвоешь да побежишь!

Целый месяц, пока мальки не выведутся, не покидает бычок своего поста. А как только выйдут мальки, заберется под щепку и снова станет тихим и незаметным.

ЗОЛОТАЯ РЫБКА

ПОД защитой густых черемуховых зарослей и ивняков бежит прозрачная, как слеза, и холодная речка Погорелица. Звенит она по камешкам, ворчит, переливаясь через валежины, а то вдруг припечалится и движется молча в таинственных и темных заводях-курпагах.

Живет в этой речке маленькая рыбка гольян. В мае, когда распускаются почки у скромной северной красавицы-черемухи, когда сидят на гнездах желтенькие овсянки, гольян нерестует и наряжается в яркий и цветастый брачный наряд. У самцов в это время мелкие-мелкие пупырышки на голове, а бока у одних серебристые с чернью, у других — золотистые. Плавники — капельки киновари...

Выудишь такую рыбку и ждешь: вот-вот она заговорит человеческим голосом. Только напрасно. Раскроет рыбка рот раз-другой — и все.

Наловили мы однажды весенних гольянов, поставили котелок с ними в ольховый куст и занялись чаем. А когда подошли к рыбкам снова, удивились: золотые гольяны исчезли, остались только серебряные. Пересчитали — все тут. Оказывается, заснули рыбки — и исчезла их сказочная раскраска...

РОЖДЕНИЕ СТРЕКОЗЫ

НА РЫБАЛКЕ, особенно когда рыба не клюет, есть время поразмыслить, понаблюдать за окружающим миром. И почти всегда что-нибудь интересное увидишь.

Сижу как-то с удочкой у Чертовой Ямы. Жарко так, что даже камыш, перебираемый тихими струями, уко-

ризненно качает головой, а листья кубышек намертво прикипели к зеркалу заводи. Меня разморило, клонит ко сну. Даже работяга-трактор за рекой ворчит сонно.

«Наверное, рыба где-нибудь в прохладной глубине отдыхает, — думаю я. — Придется отдохнуть и мне».

Растянувшись на молодой траве, смотрю на реку. В небесной сини плавно, словно боясь что-то расплескать, плывет сизая чайка. И чайка, и небо, опрокинувшись, плывут в дремлющих водах. У самого берега, меж камней, показался рак и деловито зашагал в глубину, выворотив стебельчатые глаза. А вон по тростинке ползет вверх неуклюжая личинка стрекозы. Вот она показалась из-под воды, проползла еще немного и застыла — греется. Внезапно шкурка у нее лопнула, а из нее показалась глазастая стрекозиная голова, крылья. Только крылья сильно помяты, да и вся стрекоза еще мягкая, неказистая. Вытащила она из шкурки ножки, половину туловища и, устав, повисла вниз головой, прогнувшись в спинке. Еще одна попытка — и стрекоза на свободе. Отползла она от старого костюма, и крылышки на глазах просохли, распрямились и стали шуршаще-стеклянными. Через полчаса тростинка опустела. Только сухая шкурка, крепко уцепившаяся лапками за глянцевиый стебелек, говорила о том, что здесь совсем недавно стрекоза родилась. Было это 25 мая, и это была первая в году стрекоза.

ЯЗЫТНИК

У КАЖДОГО рыбака есть свои излюбленные места, приемы и время рыбалки. Одни предпочитают зимнюю, другие — летнюю. Один ловит на донку, другой — нахлыстом. Насадки тоже у всех разные. Одно-

му подавай червей белых, другой без ума от красных. Да это и неудивительно. Кто на какой рыбе специализируется. Вот, например, голавлятник и язятник Серафим Феодосьевич. Его не выманишь на рыбалку когда попало. По своим приметам он знает, когда лучше всего клюют его излюбленные серебряные рыбы. Да и идет он на рыбалку, имея запас кузнечиков, стрекоз, мух, тараканов, майских жуков, печеных раков... Все-все у него продумано. И снасть легкая, без грузила. Забросит на воду жука так, словно он сам с неба свалился. И рыба обманута. Смело хватает добычу. Легкая подсечка — и начинается борьба. Кто кого перехитрит. Только редко проведет заядлого рыбака толстоголовый голавль. Через несколько минут он, как правило, лежит, медленно шевеля жабрами, в зеленой мураве. И так язь к язю, голавль к голавлю, словно плахи в поленницу, ложатся сверкающие слитки в рыбацкую корзину.

С десятью—пятнадцатью язями и голавлями в корзине и домой возвращаться приятно. И шествует наш рыбак, как триумфатор. Ахов, охов, вздохов, расспросов в таком деле не оберешься. А на следующий день по городу только и разговоров: «Слышали, Кумов снова корзину голавлей наловил. И все огромные, как поленья!».

Разгораются страсти рыбацкие. Выясняется, на что, когда, где, как ловил Кумов «поленья».

Отправляются, пробуют и... пустые возвращаются обратно.

— Утаил, видать, Кумов что-то от нас, не все рассказал... Или слово какое знает... — сокрушаются рыбаки. А самим и невдомек, что просто не вовремя пошли они за язями. Ведь каждому овощу свое время.

ПОДВОДНЫЙ ВОР

ЮРКА Цыпилев, черный, как жук, восьмиклассник, — страстный рыболов. Его, как говорят, хлебом не корми, а поудить дай. Скоро экзамены, болит Юркино сердечко, а на улице — красотища. Разве усидишь дома?

И вот сегодня, в воскресенье, беспокойная рыбацкая душа понесла послушные ноги мальчишки к заветным заводям.

Весенняя жизнь природы захватила Юрку целиком. Широко раскрытыми глазами смотрит он на давно знакомые тропинки и ручьи, на приметные сосны и рощицу березок, которые будто подростки-девчонки выбежали на косогор погреться в лучах ласкового солнца. Бесшабашные зяблики провожают путника задорной, как сама радость, песней. Звенит, кажется, каждый куст.

Приятным сном промелькнула дорога. И вот — река. Широкой просекой спускается рыболов к берегу, а через несколько минут на крючке языком пламени бьется красноперый окунь. За ним широкой сковородкой ложится в траву лещ...

К полудню, когда солнце вошло в полную силу, разморило рыбака, присох к гортани язык.

«Попью-ка чайку», — думает он и птицей взлетает на береговую кручу.

Напившись, Юрка решает еще раз полюбоваться богатой добычей. С радостью в глазах, с замиранием сердца тянет он из воды кукан... На нитке, печально выворотив мертвые глаза, сиротливо висят... рыбы головы.

— Вот и порадовал мамку!

Но рыбацкая душа всегда полна самых радужных надежд.

— Наверстаю! Время еще есть.

И вот он снова, как высохший пенек, торчит у воды, следя за поплавком. А тот ходит-ходит по заводи, словно заблудившись в струях, и никак не просигналит рыбаку: «Тащи!» Устали глаза от солнечных бликов. Протер их Юрка и вдруг... около полавка вынырнула из темной воды усатая бурая морда и ехидными глазами уставилась на рыбака, словно спрашивая: «И чего ты, человек, ждешь?»

Обомлел Юрка, выпало из рук удилище.

— Уж не сплю ли я? — ущипнул себя за ухо. Снова взглянул на воду, а там только мягкие круги расходятся: то ли от упавшей в воду удочки, то ли от скрывшегося в речной пучине зверя.

Так и вернулся парень домой без рыбки.

НА УНЖЕ-РЕКЕ

В ЛЕСНОЙ глухомани проложила себе путь речка Лундонга. Километрах в ста от истока вырывается она на раздолье и встречается с рекой Кемой. В отличие от Лундонги, по песчаному руслу Кемы струится светлая родниковая вода. Не зря говорят: «Кема — золотое донышко». Даже с крутого обрыва отчетливо видны на дне каждый камешек, каждая ракушка, нити водорослей, суетливые мальки. Слились Лундонга и Кема и потекли вместе далеко-далеко, навстречу многоводной Волге. Это и есть начало тихоструйной красавицы Унжи.

...Уже полтора часа мы с Карпычем идем берегом задумчивой таежной реки. Узенькая скользкая тропинка вьется по луговинкам, прячется в сумрачном ельнике. Точно часовые, сторожат реку многосажженные ели. Встречаются заросли липняка. Каждое дере-

во подобно сказочному зеленому шатру. Нередко путь преграждают обомшелые деревья-великаны.

Лесная дремь. В заболоченной низине буйно выросли папоротники. Они здесь достигают метровой высоты.

— Вот где можно увидеть, как цветет папоротник, — невольно вспоминает о народном поверье мой спутник.

— И найти клад, — шучу я.

Лес чуть отступил, и мы вышли на луг. Над рекой клубится белесый туман. Облюбовав место, Карпыч, не торопясь, размотал леску, насадил червя, забросил свою снасть в заводь и, подстелив стеганку, уселся над обрывом. Поблизости устроился и я.

Карпыч сидел тихо, попыхивал сигаркой. Сизый дымок медленно поднимался вверх. Тишина. Лес словно спит. Но вот где-то в кустах ивняка несмело сказала пичужка, замолкла на минуту, тенькнула вновь. Ей ответила другая, третья... Но это не весенний гомон, когда лес захлебывается от песен пернатых. Птицы пели робко, неуверенно, словно боясь вспугнуть утреннее безмолвие.

Взошло солнце. Его лучи осветили одетые багрянцем осинки, желтые пряди берез. Со свистом пронесся над рекой табун уток. Карпыч пристально следил за поплавком. Но он был недвижим. Ни одной поклевки. Рыболов решил сменить насадку, присел на корточках, намереваясь вытянуть удилище, но вдруг поскользнулся и... бултыхнулся в воду. Я вижу, как он машет руками, хватается за прибрежные ивняки. Спешу на помощь.

— Старина, как это ты в воду-то угодил?

— Не клюет — вот и полез рыбу на крючок насаживать, — смеется Карпыч.

Я поспешил развести костёр. Он высушил одежду, и вскоре мы снова сидели с удочками.

— Иди-ка сюда, — позвал вдруг товарищ. — Видишь?

На вязком суглинке, словно на пластилине, отпечатались когтистые медвежьи лапы. Они вели к самой воде, тянулись по отмели. Зачем наведался сюда косолапый? Возможно, порыбачить, а может, просто отвезти студеной речной воды.

Потом мы облюбовали небольшой омуток. Почти в центре его отчетливо виднелся затонувший сосновый пенек. Когда-то он упал в воду, река вымыла землю, обнажив множество корней. Пенек напоминал гигантского спрута. В омуте жили язи.

Давно обсохла роса. Лучи солнца щедро заливали синюю гладь реки, и мы хорошо видели крупных рыб, плавающих между корнями. Карпыч не сводил глаз с поплавок. Вот он чуть шевельнулся, воровато потянулся в сторону и исчез под водой. Подсечка — и на поверхности показывается подъязок.

— Хорош! — восхищенно воскликнул Карпыч. Он снял рыбу с крючка, положил в корзину и вновь закинул удочку. По покрасневшему лицу его было видно, что он доволен. Вскоре Карпыч вытащил еще подъязка, третьего, пятого... Мне же попадались лишь колючие ерши.

Неподалеку, у песчаной косы, точно брошенная в воду горсть серебряных монет, кинулась врассыпную рыба молодь. Конечно, от щуки! Через минуту со спиннингом в руках я остаиваюсь возле косы, проверяю блесну и забрасываю ее. Грузило с шумом шлепается почти у противоположного берега. В спешке я не успел затормозить катушку, жилка спустилась, и получилась «борода».

— Теперь уйдет, — подсадовал я, распутывая бесформенный клубок лески. Несколько минут, потраченные на это, показались вечностью. Наконец все готово. Вновь забрасываю блесну. Едва я сделал несколько оборотов катушки, как почувствовал толчок, словно якорек зацепился за корягу. Жилка натянулась, как струна, затрещала катушка. В полводе мелькнуло брюхо рыбы, и почти сразу на поверхности показалась огромная щука. Зубастая прыгнула из воды, устремилась к противоположному берегу. Не тут-то было! Подвожу щуку к отмели. И вот хозяйка омута, раскрыв огромную пасть, лежит на песке.

— С удачей! — кричит Карпыч.

ЗОРЬКА РЫБАЦКАЯ

ДРУЖБА рыбацкая — вещь прочная. Ни душ холодного дождя, ни частые речные ванны не способны ее расклеить. Да и у самих рыбаков-удочников адское терпение. Прощают они друг другу такие вещи, из-за которых простые смертные на всю жизнь ссорятся. Слову своему рыбаки верны и держат его крепко.

Места наши не то чтобы богаты рыбой, но любители-удочники не обижаются. Как говорится, раз на раз не приходится. Иногда и пескаря за весь день не видишь, а выпадет удача — все наверстаешь. Сороги, голавли, окуни берутся — только успевай насадку менять. Но ходить на рыбалку надо обязательно вдвоем. Одному скучно да и не поверит никто потом рассказам об окунях с голенище, о голавлях с хорошее полено... Втроем опять же неудобно — чересчур много разговоров, а рыба шуму боится... Бывает, и вдвоем пойдешь, да ничего не поймашь.

Александр Андреевич и Александр Михайлович были во многом похожи друг на друга. Конечно, не внешне. Внешне это совсем разные люди. Первый — высокий, сухой; второй — среднего роста и круглый. Правда, роднили их наголо бритые головы. И когда сидели они у своих любимых заводов с зарослями кубышек, ожидая поклевки красноперых окуней, головы одинаково отсвечивали на солнце, словно медные чайники. И трудно было понять, где сидит Александр Андреевич, а где Александр Михайлович.

Работали оба любителя-рыболова учителями. Понятно, что времени для любимого занятия — рыбалки — немного. Обычно в субботний день сходились они то у Александра Андреевича, то у Александра Михайловича и договаривались об очередном выходе.

В тот раз, о котором пойдет речь, оба вместе выйти не смогли, но договорились о встрече. Она должна была произойти в три часа утра у ивового куста, что стоит у дороги, пересекающей пополам прибрежную поженку. Обычно здесь друзья делали последний привал, отправляясь за окунями в свое любимое Панфилово. Отсюда рукой подать до заветных закоряженных заводов с берегами-крутоярами.

И вот Александр Андреевич на месте. Полюбовавшись сонной рекой, закутавшейся в туманное покрывало, бисеринками росы, осевшей на кончиках травинок, он опустил на плащ под огромным шатром ивняка, покурил, помечтал о предстоящей рыбалке, снова покурил и увлекся пробуждением природы.

Тут надо упомянуть, что оба приятеля, как истые следопыты, ходили бесшумно. Неудивительно поэтому, что Александр Андреевич не слышал, когда прибыл на условленное место Александр Михайлович.

«Обогнал, видно, я Александра Андреевича», — ду-

мает он и садится на дождевик с другой стороны того же куста. Как и Александр Андреевич, он погружается в созерцание природы...

Река постепенно светлела, туман под ветерком ключьями пополз в прибрежные кусты. И вот уж солнце из-за горизонта выбрасывает первый луч и раскрашивает в винно-розовый цвет одинокое облачко...

«Лучший клев сейчас», — думают оба рыбака, сидя по разным сторонам куста. Но с места не трогаются: уговор дороже денег. Ждут друг друга, с тоской поглядывая на всплески жирующих рыб.

Когда же угомонились рыбы, а солнце, выпив росу, стало сильно припекать плечи, Александр Андреевич забеспокоился.

«Неужели Александр Михайлович мог обмануть?» — думает он и, затянувшись очередной сигаркой, слегка покашливает. В это же время досадливо крикает и некурящий Александр Михайлович.

Поднявшись, оба выходят на дорогу.

— Доброе утро, Александр Андреевич!

— Добрый день, Александр Михайлович.

— Ну так что ж, пожалуй, и домой двинем, а, Александр Андреевич?

— Пожалуй, двинем, Александр Михайлович.

Ни слова упрека, ни капли недовольства. А в душе у обоих радость: не обманули друг друга, пришли!

Пока добирались друзья до города, успели договориться об очередном выходе.

— Значит, в субботу, Александр Михайлович, снова двинем?

— Двинем, Александр Андреевич!

— А где встретимся, Александр Михайлович?

— А там же, Александр Андреевич.

НА НОЧНОЙ РЫБАЛКЕ

КРАСИВЫ места по нашей реке! Плынешь на лодке день, два, три — и все с одинаковым удовольствием смотришь на чередующиеся по берегам рощицы березок, луга, ленты ивняков...

В финифтевой голубизне неба часто проплывают белоснежные чайки. Редко-редко взмахнет птица крыльями, и кажется, что воздух сам по себе несет грациозную птицу над сверкающей под солнцем рекой. Мы всегда любовались прекрасной птицей, пока она не скрывалась за очередной излучиной.

Много в реке перекатов-переборов. На камешниках вода звонко бурлит, плещется о крупные валуны, разлетаясь каскадами брызг. И в водяных искрах над каждым черным от древности валуном повисает маленькая радуга.

Песчаные перекаты спокойнее. Здесь вода кажется желтой. Течет она, слегка волнуясь, и вдруг ныряет в темную глубину очередного омута.

Перекаты — лучшее место для рыбалки.

Поставили мы как-то перемет у песчаного перебора, проверили вечером и ушли к костру. Ночь, как обычно, прошла в разговорах да чаепитиях. Не обошлось, конечно, и без печеной картошки. А под утро сморил всех дремучий сон, незаметно подкравшийся к нам из хмари прибрежного ельника. И только когда солнце стало припекать сильно, проснулись мы.

— Эх! Проспали утренний клев! — с сожалением проворчал кто-то.

Делать нечего. Пошли проверять переметы. Тянем осторожно тот, что у песчаного перебора стоял. Смотрим — светлеет что-то в воде.

«Никак, крупный голавль?»

Подводим его к берегу — и что же? На крючке чайка! Обыкновенная речная чайка. Схватила она, видимо, утром пескаря, которыми крючки наживлены были, и попалась на перемет. Но как не похожа была она сейчас на красавицу, скользящую в звонком небе! Размокшая, слегка припудренная илом, она больше смахивала на... тряпку.

Жалко стало нам птицу. С тех пор мы проверяем переметы рано, пока чайки не поднялись в воздух.

ЩУЧЬЯ ЮЛА

С РЫБАКАМИ и охотниками всякое бывает. Иной раз слушаешь их рассказы и не знаешь, где кончается правда и где начинается вымысел. Но то, что рыбак может щучьей игрушкой быть, это точно.

...Прибыли мы на Лундонгу, поставили машину в лес и до рыбных мест решили идти пешком. Да иначе и не поберешься.

— Я на камерах с грузом поплыву, а вы налегке бережком идите, — говорит Николаевич нам с Вовкой. — По пути и спиннинг побросаю.

Вытряхнул он из мешка две камеры — от трактора «Беларусь» и от автомашины. Они одна в другую вложены и связаны веревкой. Сменяя друг друга, стараясь до пота, надуваем камеры автонасосом. Готово! Бросаем их на воду. Николаевич кладет на них две коротенькие дощечки, на них — брезент. Лодка готова. Погрузив в нее вещи, он садится, отталкивается от берега...

Мы с Вовкой идем узенькой тропкой, которая то ныряет в глубокие лощины, то стелется лугами, то выбегает к берегу Лундонги. Лес с густым подлеском обступает берега реки, стариц плотной стеной. Много ли-

пы, рябины, осин, черемухи. Встречаются вязы. С интересом приглядываясь к новой для нас кемской природе, мы с Вовкой не молчим. Он с увлечением рассказывает о турбовинтовых и реактивных самолетах, которые повидал нынче в Москве, о своей мечте быть военным летчиком.

Внезапно мирную нашу беседу прерывает негодующий и в то же время торжествующий вопль. Бросив тропинку, выбегаем к берегу.

Тихий плес. словно веснушки, разбросаны по нему листья кубышек. У берегов щетинятся камыши и хвощи. Под водой, колеблемые тихим течением, извиваются рдесты. Посреди плеса сидит в камерах Николаевич и вместе с ними быстро, словно волчок, запущенный умелой рукой, вращается вокруг собственной оси.

Поняли мы все, что произошло только тогда, когда мокрый, словно лягушка, спиннингист причалил к берегу.

Щука, схватив блесну, упорно сопротивлялась. Легкие камеры послушно плавали по плесу, и рыбак вдоволь накатался по реке на щучьей тяге. Наконец это ему надоело, и он решил вытаскивать хищницу в камеры. Но щука не хотела уступать. Почувствовав натяжение лески, она снова устремлялась вперед, но укоротившаяся леса не давала ей хода. Тогда щука пошла вокруг камер. Вот тут-то и завертелся рыбак на воде, словно юла.

Наконец щука умаялась совершенно. «Юла» вращалась все медленнее и медленнее. И вот щука в руках спиннингиста. Здесь снова завязалась борьба. Спиннингист упал в воду, камеры закачались, все, что было на них, намокло. Только проплыв полкилометра, умудрился рыбак успокоить свою мучительницу.

НА ТОМЖЕНЬГУ ЗА ХАРИУСАМИ

ТИХИМИ, не по-осеннему теплыми сентябрьскими вечерами мы караулили медведей на овсах, днем же охотились на рябчиков в березовых мелочах, собирали грузди на Кряжове, ловили на спиннинг зубастых щук в Шадрихе.

— Хочешь поудить хариусов на Томженьге? — предложил мне как-то Михаил Петрович.

— С удовольствием, — ответил я.

И вот мы в пути. Мотоцикл «ИЖ-Планета» быстро мчит полем. Михаил Петрович круто сворачивает влево. Углубляемся в лес. Дальше можно пробираться только узкой тропой. Оставляем мотоцикл и отправляемся пешком. Вскоре затерялась, исчезла в лесной чащобе и эта тропка.

В лесу глубокое безмолвие. Сумрачно и сыро. Идем напрямик. Михаил Петрович ориентируется по каким-то одному ему известным приметам.

— Томженьга совсем близко, — ободряет он.

Теперь мы идем звериной тропой. Под ногами мох. На нем отчетливо видны следы лосей: большой и поменьше.

— Корова с телянком ходила на водопой, — объясняет Михаил Петрович.

Томженьга показалась неожиданно. Таежная речушка спряталась в буреломе. На ее берегах буйно выросли деревья и кустарники. Кое-где даже пробираться невозможно. Русло речушки во многих местах загромождено упавшими деревьями-великанами, сучьями, корнями.

Заглянув в несколько курпаг, я разочаровался.

— Какие же тут хариусы? Курица перебредет речку.

— Скоро их увидишь. Хариуса ищут червяком. Вырубай удочку, да подлиннее, — улыбнулся Михаил Петрович.

Когда немудреные снасти были готовы, Михаил Петрович насадил на крючок червяка и, осторожно подойдя к речушке, забросил леску. Он то и дело выхватывал из воды светлых рыбин, а у меня дело не клеилось: или крючок цеплялся за ветви деревьев, или леска путалась, а когда удавалось забросить леску удачно — все равно ни одной поклевки.

— Встань так, чтобы не только самого, а даже тени твоей не видно было, — поучал меня товарищ.

Наставление опытного рыболова помогло. Удалось вытащить хариуса и мне.

— Вот видишь! — одобрил Михаил Петрович.

Мало-помалу осваивал я повадки рыб. Хариусы точно метеоры набрасывались на червяка из-под берега. Поплавок тотчас нырял в воду или резко скользил в сторону. Хариусы были так жадны, что иногда выскакивали из воды, норовя схватить повисшего над речкой червя.

Занявшись рыбалкой, мы не заметили, как пролетело несколько часов.

— Без десяти четыре, — сообщил Михаил Петрович. — Уху варить будем?

— Конечно! Какая же рыбалка без ухи?

Михаил Петрович быстро наладил костерок, а я, усевшись под багряной осиной, чистил рыбу.

И вот мой выдавший виды охотничий котелок висит над костром. Наверное, нет ничего вкуснее ухи из хариусов. Недаром народная мудрость гласит: харь-юзок из рыбки, рябок из дичи.

ИВУШКА

ХОЛОД И БУЗИНА

ЗАЩИЩАЯСЬ от холода, строит человек дома, кладет в них печки, да и одежду меняет, сообразуясь с сезоном. У птиц—перо, пух, у животных—шерсть и подкожный жир... А растения? Как им спастись от холодов? Ну, на зиму сбросят листву, закутаются в снеговые шубы — тепло. А весной? Зазеленела, скажем, бузина красная, резные листья выглянули из почек и... вдруг приморозок — часты у нас весенние возвраты холодов. Что ж, погибать растению?

Нет! Бузина по-своему приспособилась спастись от злых шуток капризницы-природы. Присмотревшись повнимательнее к молодым ее листочкам, можно заметить, что они не чисто зеленые, а с фиолетовым оттенком. Это потому, что в них особый пигмент есть — антоциан. И он не для красоты нужен растению. Листочки с антоцианом, улавливая световые лучи, превращают их в тепловые. А свету весной достаточно. Так и спасается бузина от холода.

ПЕРВЕНЕЦ ВЕСНЫ

МЕДЛЕННО набирала силу весна и, наконец, справившись, разлилась во всю ширь. С голубого неба свода вонзались в землю золотые копыя солнечных лучей, растопляли снег и гнали его ручьями к ближайшей

реке. Освобождались из ледового плена участки обновленной земли, заплатами чернея в засахаренных просторах. Ослабевший от безделья мороз только по утрам пробовал свои старческие силы.

...Только-только освободилась проплешина в овраге, а уж тут как тут поднялся от земли зеленый стебелек медуницы. Скоро и цветочки замаячили: сначала пурпурные, потом фиолетовые, голубые, синие... Медуница — первенец весны, и для него не жалеет она красок, вливая в цветы всю голубизну апрельского неба.

Стоят цветы, смотрят на пробуждающуюся природу и удивляются красоте весенней земли. А самим и невдомек, что они тоже часть этого великолепия.

РОЗОВЫЕ БЕРЕЗКИ

ОТШУМЕЛИ зимние метели, отсверкала первая капель, а по лугам и перелескам пронеслись уже, играя и звеня, быстрые весенние ручьи. Весна вошла в силу, заполонила природу. Сквозь прошлогоднюю траву пробились на свет, чтобы посмотреть на нее, зеленые штыки травинок, а ивовые цыплята, повзрослев, нахохлились.

Березовые рощицы побурели, но белизна крепких стволов стала еще ярче на фоне обнажившейся от снегов земли.

Не всегда березки белыми бывают. Пришлось как-то мне отсиживаться от дождя под лохматой елкой у нарядной березовой рощицы. Весенняя влага, теплая и обильная, хлынула на деревья и, как девушки розовеют от ласковых слов любимого, порозовели березы стволики от ласк весеннего дождя.

Через несколько минут выглянуло солнце, и рощица

засверкала, запереливалась всеми цветами радуги. Но березки, росшие в ельнике, остались без ласк внешнего ливня и стояли, пригорюнившись, бледные и печальные. Глядя на них, я понял, как много в жизни значит доброе и ласковое слово.

ТОРОПЫГА

С УТРА допоздна на лесной делянке горел костер. Теплый дым вздымался вверх, окутывал стоящую рядом березку. Она, нагретая дымком костра и ярким апрельским солнцем, распрямила свои коричневые веточки. Березы всегда первыми в лесу одевают зеленую одежду. И нашей торопыге не терпелось наряжаться. Захотелось ей перещеголять сестричек. Через несколько дней на нижних веточках набухли почки, проклюнулись светло-зеленые клейкие листья. А ночью ударил мороз, и холод спалил нежные побеги.

Спешить нельзя. Все хорошо в пору да вовремя.

ИВУШКА

В НАЧАЛЕ мая нет ничего лучше заречных пригорков и перелесков. Пройдешься по ним — и словно помолодеешь. Кругом, куда ни кинешь взгляд, властно берет свое оживающая природа. Вон в лесном овраге, где бежит тоненькой струйкой, легонько позванивая, прозрачный ручеек, у самой воды голубеют, синеют осколки неба — медуницы. Немного повыше, в сльховниках, раскрывает золотые глазенки лютичная ветреница. На пригорках порхают нарядные крапивницы и нежно желтеют лимонницы. Басовито гудят толстые неуклюжие шмели...

Выбравшись из оврага, остановился я на косогоре. Он круто бросается из-под моих ног к реке, но, запутавшись в мохнатых елочках, выравнивается и полугогим полуостровком вклинивается в мутные весенние воды.

На самом краю косогора, всматриваясь в лесные дали, озирая город, раскинувшийся за рекой, тянется к небу стройная и тонкая ива-бредина. Она еще голая, безлистная, но золотистые цветы-цыплята густо облепили ее тонкие веточки. И под голубым небом стоит она, словно русоволосая девчонка-северяночка. И все-все тянется к ней. К ней прилетел на легких крыльях мягкий ветерок, к ней невидимым потоком льются с неба солнечные лучи, стремятся шмели и пчелы. К ней пришел и я, чтобы полюбоваться весенней красотой этой незаметной в другое время ивушка.

Посмотрел я на нее и подумал: «Может быть, для того она и выбралась на косогор, чтобы щедро надевать своей красотой весь окружающий мир?».

Вернувшись домой, я забыл робкий ручеек, мохнатые елочки, забыл даже осколки неба—медуницы, а вот ивушка так и осталась в сердце. По-девчоночьи стройная, русоволосая и по-русски скромная и простая.

ЛАНДЫШ

К НАЧАЛУ июня совсем повеселела природа: зеленые перья молодой травы изумрудом покрыли темную землю. Отзвенели, развеяв по ветру пыльцу, сережки тополя и березы. Стволы древесных великанов укрылись зеленой кисеей. Красивой стала земля, свежей и молодой.

В густой тени ельника, у самой земли, раскрылись кожистые малахитово-зеленые листья-ладошки. Это

ландыш пробудился от зимнего сна. А из ладошек вынырнул стебелек и поднял над землей однобокую кисть бутончиков. Раскрылись бутоны, взглянули на окружающий мир и в безмолвном восхищении опустили головки.

Красив ландыш! И нет ему равных среди цветов по нежной белизне фарфоровых чашечек, по тонкому и дивному аромату. А сколько радости, сколько пользы приносит он людям! И не кичится он своими достоинствами, а скромненько так в тени держится.

БАЛАБОНЧИКИ

В КОНЦЕ весны по лесным пожням, по приречным лугам и склонам, по лесным речкам — везде появляются золотые бубенчики купальницы европейской. Только у нас называют ее не так. Кто-то величает ее диким маком за то, что после высыхания плодика вытряхиваются из него черные глянцевиные семена приятного вкуса. Возьмешь плодик, помнешь его над ладонью — и семечки в рот. Другие называют купальницу балабончиком.

Балабончики! Красивое вроде бы слово, звучное, как песня весенней воды, но какое-то легковесное, пустотелое...

Желтеет, золотится под солнцем лесная опушка. Тихо вызванивают балабончики песню воды. И вдруг по лесной дороге вырывается на луг ватага ребятишек. Свистят в воздухе сабли-прутья, падают на луг золотые головки балабонов. Через несколько минут уставшие ребятишки валяются на луг под развесистую березу отдохнуть, а луга как не бывало. Исчезла его червонная красота.

...Около городов и поселков немного балабончиков доживают до созревания семян. Но дело не только в краткости жизни цветка. Как только закачаются в разнотравье солнечные головки купальницы, целыми охапками несут их в дом и стар и млад. Завянут цветы быстро, порыжеют и опадут золотые лепестки, выбросят цветы люди и за новой охапкой отправляются...

Не умеем мы пользоваться красотой, которую бескорыстно предоставляет в наше распоряжение природа. Ведь охапка цветов — это не букет. Не имеет она никакого вида. Подбор букетов — это настоящее искусство. Человек со вкусом создает хорошие, красивые букеты из одного-двух цветков и стольких же травинок. И заменить такой букет не трудно, и природе не в ущерб.

...Звучное слово балабончики, словно песня весенней воды, но какое-то легковесное. И кого им лучше называть: купальницу европейскую или тех, кто легкомысленно губит красоту весенней земли?

ЛЮБОВЬ К ЖИЗНИ

ПОСАДИЛИ мы у дома несколько лесных растений. А потом подумали и решили оставить после себя что-нибудь поинтереснее — пусть люди после нас радуются!

И вот в огороде появились яблоньки, ирга, лещина, слива, легли в землю два манчжурских ореха. Орехи, едва взойдя, погибли. Все остальные растения прижились, только на долю сливы выпали тяжелые испытания.

В первый же год после посадки она вытянулась на целый метр, потолстел ствол, выбросив несколько словно лакированных побегов. А следующей весной

свалился на деревце тес, что рядом сложен был, сломил его у самого корня — только пенек сантиметра три высотой остался.

Отбросили мы стволик в сторону, а пенек трогать не стали — пусть торчит. И правильно сделали, потому что летом проснулись спящие почки и к осени выбросил он несколько новых побегов.

Но на этом дело не кончилось. По-видимому, ослабло растение от таких передрыг, и зимой побеги побило морозами. Весной вырезали мы сухие веточки, и слива снова оправилась, повеселела. Сейчас она стоит, словно ничего с ней не приключилось. Четыре толстеньких стволика несут на себе густую щетину молодых побегов. И мы теперь уверены: что бы ни случилось с деревцем, оно найдет в себе силы возродиться. Цепко держится за жизнь! И пусть даже слива плодов не даст — за одну жажду жизни уважать ее можно.

СЕВЕРНАЯ КРАСАВИЦА

МАЙСКИЕ дни, насквозь пронизанные солнцем, оживили природу. Пушистые желтенькие цыплята гроздьями расселись на веточках ивняков, отпылили красные гусеницы тополиных сережек. По лесной речушке Выдринке — красота. Стройные и свежие березки, как молоденькие девчонки, нежно выделяются на фоне старух-елок молодой зеленью весенних нарядов. Стоят они, зачарованные несмолкаемой любовной песней бесшабашных яблочков, и думают тихонько о своей березьей жизни.

А позавчера заневестилась вдруг красавица-черемуха. Белая черемушья кипень заполнила промежутки между домами, клубами морской пены взбежала на крыши, молочными водопадами низвергается через за-

боры. Горьковатый и свежий аромат белого марева бодрит и прогоняет печаль. Черемушья весна!

В лесу, в лугах еще лучше. Идешь в зеленом шуме и вдруг — снежная гора под золотым полднем. Тысячи пчел и шмелей трудятся в ней, готовя урожай ягод и меда. Но что это? Угасает, как последний луч солнца, радость в сердце... Искалеченная красавица с бессильно опущенными руками-ветками, порванный белый передник клочьями свисает с плеч... Даже листья на обломанных ветках потемнели от гнева и горя. А вот еще одна испорченная краса. Много же их стоит весной по лесным опушкам, у ручьев, поющих песни о счастье!

Не приносит загубленная черемуха радости: быстро вянут лепестки и снежной порошей осыпаются с веток. А в вазе остается... веник.

Может быть, потому так быстро и кончается черемушья метель, что боится она долго показывать свою красу людям?

КУКУШКИ НА ЧЕРЕМУХЕ

ОСТОРОЖНАЯ птица кукушка. Ее голос можно слышать вдали ежедневно с весны до середины лета, а вот увидеть ее удается не часто. Тем более, что населенных пунктов она избегает. Но бывают годы, когда кукушкину «ворожбу» можно слышать совсем, совсем рядом...

Помню, май в тот год выдался солнечным и жарким. Жара не спала даже тогда, когда цвела черемуха. И это было на руку черемушным вредителям. Поврежденные ими, опадали на землю ягоды-зеленцы, гусеницы уничтожали листья и оплетали все ветки и ствол белесоватой паутиной. Она свешивалась вниз, а на ней

гирляндами висели маленькие, испещренные черными точечками червячки. Неприглядно выглядели черемухи. Мертвые. В паутине.

Птичья мелкота, гнездившаяся в городе, не смогла справиться с нашествием вредителей, и тогда на помощь пришли... кукушки. Утром и вечером с городских черемух отчетливо и звонко несло: «ку-ку, ку-ку...». И так было не только в городе, но и во всех деревнях, где черемухи требовали скорой помощи.

Ягод черемуха в тот год не дала, но деревья не погибли — спасли их кукушки.

РЫЖИЕ ЕЛОЧКИ

КОГДА наступило лето и оттаяла земля, тронулись в рост елочки. Сбросили с кончиков веток колпачки, и сразу голубоватой зеленью засветились молодые побеги. Шла обычная елочья жизнь.

Уже прибыли на родину горластые коростели, зацвел колючий шиповник, и вдруг с далеких морей приполярья прилетел к нам сердитый Борей. Дохнул он холодом на реку, луга и леса, и съежились, побагровели листья у земляники, бесполезной порошей полегли ее лепестки на землю. Кончилась нормальная жизнь и у елочек. Молодые побеги-пальчики обожгло холодом, одрябли они и безжизненно повисли, а солнце под горячую руку выкрасило их в рыжий цвет. Смешные стали елочки: словно беличьи хвостики на них развесили.

Но рядом с хвостиками вскоре новые голубовато-зеленые побеги появились. Это спящие почки проснулись и тронулись в рост.

Вот так и постарели елочки в одну весну на два года. Сурово обошлась с ними наша капризная природа.

ЗЕЛЕНАЯ ОБМАНЩИЦА

КАЛИНА — красивый кустарник. Резные листья, сходные с кленовыми, придают ей декоративность, ласкающую глаз. А вот цветет калина по-особому — не все цветки у нее плод-ягоду дают. По краям соцветия-зонтика сидят у нее крупные белые цветы. Бесплодные. А в середине — мелкие, зеленоватые, невзрачные — плодоносные.

Прилетит насекомое на такой зонтик и прежде всего на яркий пустоцвет садится. Туда-сюда, а в нем ни нектара, ни пыльцы. Только тогда и перебирается муха или жук на невзрачные цветочки. И, пожалуйста, — тут тебе и пыльца, и нектар. А главное, нектар открыто лежит, не запрятан в глубине, как у других растений.

И мы иногда на людей смотрим, как муха на калиновые цветы.

СТАРАЯ ЛИПА

ДЕРЕВЬЯ, как и люди, умирают. Смерть их бывает разной, да и память дереву воздается по заслугам. От одного дерева останется пенек, сгниет он — и все. А другое дерево...

У маленького домишка высоко в небо взметнулась старая липа. Она настолько стара, что уже не изменяется, из года в год оставаясь прежней. Ей давно уже перевалило за сотню.

На простенькой скамеечке под липой в летние дни и вечера сидят такие же дряхлые, как дерево, старушки, а около них стайками выются ребяташки. И так каждое лето. Одни подрастают, на смену им приходят другие.

Сколько же нужных стране людей выросло под тенью ладошек-листьев! Сколько орлят, набравшись сил, улетело отсюда во все концы необъятной Родины? И в труде их есть какая-то доля труда вековой липы. Красиво же она прожила свою жизнь! И память о ней будет в сердцах многих, когда уже и от пня следа не останется.

НЕЗАБУДКА

ПРИВЫКЛИ мы ее видеть около топей, по сырым лугам, и, конечно, я удивился, когда встретил незабудку на пляже. Одну-единственную. А главное — кругом ни травинки. Как она сюда попала? И чувствует себя вроде неплохо. Голубизной с небом посперить может, правда, низенькая.

Смелая же, должно быть, если в пески устремилась. И скоро наверняка она не одна тут будет.

БЕРЕЗОВЫЙ ШУМ

БЕРЕЗКА давно вошла в поэзию, как олицетворение юности и чистоты. И народ любит ее, светлокудрую, за веселый нрав, за вкрадчивый березовый шум.

А вот о чем шумят березки в рощицах, когда они, словно девчонки, собираются в хороводы по опушкам дремучих ельников? О чем мечтают они, танцуя в лугах?

Тот, кто понимает язык леса, поймет и легкозвонный березовый шелест. Только надо внимательно слушать шум северянки.

В березовом шуме каждый найдет свою струйку, часть души своей, воплощенной в зеленую мелодию. Она рассказывает о лесных новостях, о лугах, коврами

легших у ног, о любви к жизни, кипящей вокруг... Бывает в песне березок и печаль, печаль об ушедшем лете, когда сбрасывают они с плеч легкий сарафан, расцвеченный осенью. Но это не тоска, а просто сожаление об ушедшем времени. Шумят березки и о будущей весне. И от этого разговора пламенеют стыдливые осинки, распрямляются старухи-ели.

...В компании всегда находится человек, который, давая окружающим радость, ничего не требует взамен. Так и березки в лесу.

СОСЕДКИ

НАД Выдринкой, раскинувшись в стеклянной сини неба, стоит семнадцатилетняя березка. Молодая, зеленокосая, красивая. А около белостволой, обняв ее, прикорнула елочка.

Стоит березка, слушая песни, которые поет ей ветер, перебирающий резные легкие косы. Радуетса она, улыбается, и невдомек ей, что пройдет время и заглушит ее тихоня-елочка, отняв от белостволой все, чем она дорожит: и свет, и воздух лесной опушки, и ласковую бирюзу неба...

ФОНАРИК

РАННЕЕ утро. Тропинка круто взбежала на косогор и вывела нас на пожню с поэтическим названием Веселая Гора. Впереди, на густой елочке, ярко мерцала маленькая красная звездочка. Через минуту сна стала зеленой, затем опять красной, словно здесь, на лесной поляне, действовал невидимый регулировщик. Вместе с товарищем по охоте мы долго любовались фонариком.

Но вот из папоротниковой поросли выскочила лайка Унга. Она тоже заметила мерцающую звездочку. Осторожно подкралась к ней и... слизнула. Фонариком оказалась тяжелая капля воды, висевшая на кончике веточки и блестящая в лучах солнца, словно радуга.

ЗЕЛЕННЫЕ НЕВЕСТЫ

НОЧЬЮ густой, как сметана, туман окутал землю. Утром проснулось солнце и, не увидев ее, рассердилось. Еще жарким августовским лучом стегнуло оно по лохматому вору. Испугался туман и торопливо пополз в кусты. В молоденьком и густом, как щетка, ельнике, попался он в частые паучьи сети и бисером осел на них. Когда же солнечный луч коснулся паучьих ловушек, засверкали они, запереливались, как серебряная фата. И стоят елочки в ней, словно невесты. А когда елочки заневестились, примечай — лен растилать пора.

ВЕРНОСТЬ

НА САМОМ берегу Юга в обнимку, словно влюбленные, стоят два дерева. Змеиной спиралью обвилась зеленоволосая ель вокруг продубленной ветрами и насквозь пропитанной солнцем могучей сосны. Настолько крепко они прижались друг к другу, что разделить их невозможно. Подрубают ель — сосна удержит ее своими загорелыми и сильными руками-ветками. Срубят сосну — не выпустит ее из крепких объятий подруга-ель. Так и умрут вместе.

Сейчас лес кругом вырублен, а вот эти двое остались. Тронула людей такая верность.

ЛИСТОПАД

НОЧЬЮ ударил заморозок. Седой иней молча обнял желтые березки, пламенеющие кусты шиповника, плакучие ивы, что целое лето не могли насмотреться в зеркальную гладь омута.

Долго и упорно светило сентябрьское солнце, прежде чем одолело белую кисею тумана. Наконец робкий лучик осветил деревца, и засверкали, заискрились на солнце серебристые нити паучьей пряжи. А под задумчивыми ивами тихий шорох опадающей листвы. Листочки отрываются от веточек, порхают над водой, шелестят так, словно накрапывает мелкий дождь.

Узкие желтые листочки в воде кажутся уклеиками. Потек лист, но еще ярче занялся багряный лесной пожар. Долго не затушить его ни затяжным осенним дождям, ни холодным утренникам.

СТАРЫЙ ПЕНЬ

ТОЛСТУЮ, в два обхвата липу, привольно раскинувшую ветки в небесной лазури, спилили. Крякнула старуха, падая на луг и подминая под себя золотые розги. Потом липу распилили и увезли. Остался лишь пень с большой щепкой у одного бока. На этом пне, как на стуле, хорошо было отдыхать после скитаний в лесных чащобах и любоваться поспевающей в полях рожью.

Зимой пень завалило снегом, а весной я вновь как-то проходил мимо. Весь срез был покрыт пеной. Значит, корни старухи еще жили! А к осени пень держал на своих боках целый выводок молодых внучат — это тронулись в рост спящие почки старой липы.

Так и человек иной. Живет, кряхтит от старости, но кругом него ключом бьет молодая жизнь. И в этой жизни — радость старости.

МОЛОДИЛО

В СТРЕЧАЕТСЯ в наших местах приземистая травка с толстыми листиками, которые, словно черепица на крыше, налегают друг на друга, прикрывая и без того короткий стебелек. Неприхотливая травка: растет она на песчаных и на каменистых местах. Незрчая — не сразу ее заметишь. Но в период цветения она становится красивой — на верхушках стебельков пятилучевыми звездочками вспыхивают золотистые мелкие цветы. Это — очиток, молодило.

Собирая растения для гербария, взял я как-то очиток. Положил его между газетными листами и жду, когда высохнет. Проверяю через день, через два, через неделю — не готов. Надоело мне это, да и другие дела отвлекли. Только через два месяца заглянул в папку, где очиток лежит. Заглянул и не поверил своим глазам: лежит мой очиток зелененький, свеженький, словно только вчера из земли выкопан. И вроде бы в длину чуть-чуть подался.

«Вот так травка, — думаю, — действительно молодило!»

ГРИБНОЕ СЧАСТЬЕ

П ОЖАЛУЙ, редко встретишь человека, который не любил бы походы за грибами. И наверняка у каждого грибника есть в запасе два-три случая необыкновенных грибных удач. Я как-то нашел в одном месте сразу двадцать семь белых грибов. А брату по-

везло еще больше — на небольшой полянке он взял сорок три белых гриба.

— Вот счастье людям! — говорили товарищи.

Счастье? Нет, просто удача. «Счастье грибное» нашел я в жизни пока один-единственный раз и ни от кого не слыхивал, чтобы кто-нибудь еще находил.

Шел я тогда августовским росистым лесом заветными местами, собирал потихоньку разногрибье и вдруг увидел в соснах... гриб — не гриб, куст — не куст. В общем, бог знает что такое. От толстого общего корня расходилось бесчисленное количество кудрявых мясистых листочков. Взял я это сероватое лесное чудо в руки, и оно, словно живое, затрепетало всеми своими листочками-лепестками. Понюхал — пахнет приятно, грибами. Жаль стало бросать интересную находку, положил в корзину. И хорошо сделал.

Оказывается, гриб этот, по-научному курчавый дрягель, и называют «грибным счастьем». Счастье это вырастает до трех килограммов весом. Мое же весило два килограмма, но все же заняло сразу полкорзины.

«Грибное счастье» встречается только в одиночку и обычно с конца июля и до конца сентября. Гриб этот хорош в супах. Замечателен соус из «грибного счастья».

СОСНЫ

Х ОЛОДНЫЙ сентябрьский вечер опустился на землю. Пока мы с Алексеем вытаскивали на песок лодку и выгружали из нее пожитки, стало совсем темно. Здесь, на берегу таежной Лундонги, нам предстояло провести ночь.

Мы развели костер на лесной опушке, около двух поваленных бурей сосен. Как видно, они росли рядышком и погибли вместе, обнявшись жилистыми руками.

Деревья лежали на земле годы, но только сверху, в па-лец толщиной, размякла болонь, а дальше шла крепкая, как кость, конда.

Я попытался разрубить дерево пополам. Куда там! Из-под топора летели искры. Пришлось отказаться от этой затеи. Но и целиком, пронятые смолой, сосны пылали ярким пламенем. Смола, словно керосин по фитилю, непрерывно текла к огню. В таинственной тишине ночи, где-то справа, подозрительно треснул сучок. Вдали истошно загоготал филин, в болоте у Анюга гнусаво завывали волки. Не будь костра, было бы жутковато.

Освещенные пламенем, мы сидели и думали, сколько добра принесли сосны. Когда-то в их вечнозеленой густой кроне шелушили шишки непоседы-белочки, а может, отшельник-глухарь встречал свою весну. Здесь, в развилке суковин, выводила птенцов лесная птица, а внизу, в полутора метрах от земли, виднелись старые шрамы-надрезы. По ним текли в коробочки установленные вздымщиками, прозрачные и липкие капельки смолы-живицы.

Давненько погибли сосны. Но даже умершие, они бережно сохранили взятое у солнца тепло, которое сейчас щедро отдавали нам.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Лесные качели	3
Ястребинка	23
На Унже-реке	66
Ивушка	88

**Станислав Александрович Топорков,
Вадим Николаевич Каплин
РОЗОВЫЕ БЕРЕЗКИ**

**Редактор *Е. Ф. Богданов*
Художник *Б. И. Шабает*
Корректоры *В. И. Пригодина, А. А. Фонтейнес***

ГЕ00057. Сдано в набор 22.6.1968 г. Подписано к печати 11.9.1968 г.
Формат 70 × 108/32. (Бумага типографская № 1). Бумажных л. 1,625.
Печатных листов 4,452. Уч.-изд. листов 4,17. Тираж 15 000. Заказ 3634
Цена 13 коп.

Областная типография, г. Вологда, ул. Калинина, 3.